

ОЛИМПИОНИК ИЗ ОЛЬВИИ

ИВАН
ГОЛОВНЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Исторические приключения (Вече)

Иван Головня

**Олимпионик из Ольвии.
«Привидения» острова
Кермек (сборник)**

«ВЕЧЕ»

2016

Головня И. А.

Олимпионик из Ольвии. «Привидения» острова Кермек
(сборник) / И. А. Головня — «ВЕЧЕ», 2016 — (Исторические
приключения (Вече))

ISBN 978-5-4444-8600-9

В романе «Олимпионик из Ольвии» рассказывается о юном жителе античной Ольвии Тимоне, который после полного опасностей и приключений плавания по Чёрному, Мраморному и Эгейскому морям попадает в Грецию, где в 436 году до нашей эры принимает участие в 86-х Олимпийских играх.

ISBN 978-5-4444-8600-9

© Головня И. А., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Олимпионик из Ольвии	6
Пролог. Снова сенсация?	6
Часть первая. Ольвия	11
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Иван Головня

Олимпионик из Ольвии

© Головня И. А., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

* * *

Олимпионик из Ольвии

Пролог. Снова сенсация?

В высоком густо-синем небе пухлыми ватными комками неподвижно висят маленькие одинокие тучки. Между ними плавно, будто в замедленной киносъёмке, кружит орёл. Что заставляет его вот уже битый час делать круг за кругом, сказать трудно. То ли он таким образом наслаждается простором и свободой, то ли высматривает с высоты в сухой порыжелой траве суетливого суслика или неосторожного бабака. А возможно, орёл пытается понять, что делают эти странные существа, которые называют себя людьми, – понарыли каких-то ям и, будто кроты, ковыряются в них с утра до вечера.

Если это действительно так, если орёл кружит из любопытства, то ему следовало бы опуститься пониже, и тогда он, возможно, понял бы, что это не просто ямы, а раскопы. Люди же, которые в этих раскопах бережно разгребают землю, выискивая в ней глиняные черепки и мечтая о настоящих больших находках, – археологи. Точнее будет сказать, будущие археологи, поскольку пока что они всего лишь студенты археологического отделения исторического факультета столичного университета. И производят эти студенты раскопки Теменоса¹ античного города Ольвия², что на древнегреческом означает «счастливая».

В одном из таких раскопов, который значится под номером восемь, – яме, метров этак три на четыре и до полутора глубиной, – двое: Тимур Иванченко, загорелый до сизой черноты юноша лет двадцати, вся одежда которого состоит из протертых джинсовых шорт и дырявой соломенной шляпы, так называемого брыля, и девушка с короткой толстой русой косой и большими серыми глазами на круглом и тоже загорелом лице. Облачение девушки – зовут её Оксана Гуськова – побогаче: неопределённого цвета шорты, белая футболка и некогда бывшая белой детская панамка.

– И чего бы я столько кружил на одном месте? Как ему не надоест? – в который раз взглянув из-под ладони вверх, удивляется Тимур. Спустя какое-то время он обращается к девушке: – Как ты думаешь, Оксана, сколько живут орлы?

– Не знаю... – пожимает плечами та. – Кажется, тридцать лет. А может, и все сто... Зачем это тебе?

– Да вот... подумал... А что, если этот орёл летает здесь вот так... тысячу лет. А может, и все две тысячи. Представляешь, сколько он мог видеть на своём веку! – в голосе Тимура появляются вдохновенные нотки. – И сколько он мог бы рассказать нам интересного! Возможно, этот орёл видел, как вот нас с тобой, древних ольвиополитов³. А это значит, что он должен знать, что и где лежит здесь под землёй...

– Фантазёр ты, Тимка! – снисходительно улыбается Оксана, сверкнув двумя ровными рядами ослепительно-белых зубов. – То ты уверяешь, что найдёшь древнегреческую статую. К тому же непременно работы Фидия⁴ или Праксителя⁵... То хочешь, чтобы орёл рассказал тебе, что он видел здесь две тысячи лет тому назад.

---

¹ Теменос – священный участок, посвящённый определённому божеству. Считалось, что, находясь в Теменосе, человек может почувствовать присутствие этого божества.

² Ольвия – античная греческая колония, основанная в первой четверти VI века до н. э. на правом берегу Днепро-Бугского лимана к югу от современного Николаева и современного села Парутино Очаковского района, Украина.

³ Ольвиополит – житель Ольвии.

⁴ Фидий – великий древнегреческий скульптор (V в. до н. э.).

⁵ Пракситель – выдающийся афинский скульптор, живший в IV веке до н. э.

– За орла ничего определённого сказать не могу, – рассудительно отвечает на это Тимур. – А вот статую я найду непременно. Иначе зачем бы я тут колулся в земле? Ради вот этих черепков? – Тимур указывает кивком головы на несколько обломков красной керамики, аккуратно сложенных посреди раскопа. Но тут же, перехватив осуждающий взгляд Оксаны, спешит «сдать назад»: – Хотя и эти... черепки – свидетели старины, то есть ценные находки. Но я всё равно должен найти что-то такое, чтобы... чтобы все ахнули. Понимаешь? На меньшее я не согласен.

– Как говорится в таких случаях: дай бог нашему теляти волка поймати.

– Откуда это?

– Даля⁶ почитываю.

– То, что ты почитываешь Даля, – это хорошо, а вот то, что не веришь товарищу, да ещё пытаешься подначить его, – плохо. Не к лицу это такой...

Продолжить Тимуру его обличительную речь, а тем более дать на неё ответ Оксане не приходится, потому что неподалёку, чуть ли не над их головами, слышится по-детски тоненький, дребезжащий голосок:

– Эге-ей! Братцы-кротики! А вылезайте-ка из своих исторических нор, да пойдём обедать!

И вслед за этим над восьмым раскопом появляется голова владельца этого голоса, профессора археологии Ивана Ивановича Гребешкова – щуплого человечка с задорно, по-суворовски торчащим кверху реденьким белым хохолком на голове и такой же белой, воинственно нацеленной вперёд бородкой.

– Как дела? – интересуется профессор.

– Да вот... – неохотно показывает на небольшую кучку битой керамики Оксана. – Одни черепки...

Рядом с профессорской возникают ещё несколько голов участников экспедиции.

– Скромность – черта, безусловно, хорошая, – замечает Иван Иванович. – Однако и приbedняться не стоит. У некоторых и этого нет. Но ничего – у нас ещё всё впереди. Как в той песне: «Вся жизнь впереди, надейся и жди», – усмехается профессор и, перейдя на будничные тон, продолжает: – Так мы идём обедать, а вы тут поглядывайте на раскопы. Только смотрите – в этот раз без сенсаций! В особенности – мировых.

Студенты за спиной профессора понимающе улыбаются и хихикают, а Тимур краснеет и смущённо опускает глаза.

...Это случилось неделю тому назад. В тот день, как и сегодня, Тимуру и Оксане пришлось в обеденный перерыв дежурить на раскопах. К концу перерыва, когда студенты вот-вот должны были возвращаться назад, Тимур неожиданно наткнулся на белый мраморный предмет, который, выглядывая из плотно утрамбованной веками земли, напоминал людской нос. Тимур решил, что ему наконец повезло, и он нашёл так давно взлелеянный в мечтах античный бюст, а возможно, и статую. Не помня себя от счастья, он закричал:

– Кто хочет стать свидетелем мировой сенсации, скорее сюда! Я откопал мраморный бюст!

Одна сенсация не состоялась: находкой, напоминавшей человеческий нос, оказался обломок капителя⁷. От стыда Тимур готов был сквозь землю провалиться. Прямоком в первое тысячелетие до нашей эры. Несколько дней все, кому было не лень, упражнялись в насмешках над ним, пока наконец этот град подковырок и издёвок не прервал Иван Иванович. Тимур терпе-

⁶ Даль В. И. (1801–1872) – русский писатель и языковед, автор книг «Толковый словарь живого великорусского языка» и «Пословицы русского народа».

⁷ Капитель (от лат. capit – голова) – венчающая часть колонны или пилястры.

ливо выслушивал колкости в свой адрес и лишь мысленно просил провидение, чтобы оно смилостивилось над ним и помогло ему утереть нос всем этим доморощенным юмористам.

... Спустя какое-то время, посмотрев на часы, Тимур говорит:

– Оксана, сходи-ка посмотри, не шастает ли кто по раскопам. А я тем временем сниму вот этот шар земли. Углублюсь, так сказать, в толщу веков.

Подсобив девушке выбраться из ямы, Тимур берётся за лопату. Но не проходит и пяти минут, как раздаётся его возбуждённый голос:

– Оксана, где ты там? Давай скорее сюда!

– Я здесь. Что случилось? – наклоняется над ямой девушка.

– Спускайся! – дрожащим голосом отвечает Тимур. – Нужна твоя помощь!

... Проходит полчаса, и Оксана, прислушиваясь, поднимает голову. Затем касается руки Тимура.

– Они возвращаются.

– Пусть идут, – вытирая со лба пот, по-заговорщицки подмигивает девушке парень. – Сейчас тут у кое-кого полезут на лоб глаза. Представление ты будешь показывать?

– Я? – делает круглые глаза Оксана. – Ещё чего! Хочешь, чтобы я всё испортила. Сам нашёл – сам и показывай.

– А вот и мы! – раздаётся вскоре над головами голос профессора Гребешкова. – Так как сегодня – без сенсаций? Слава богу!

– Почему? – с трудом сохраняя спокойствие, небрежно роняет Тимур. – Есть, Иван Иванович, и сегодня кое-что. Зовите сюда народ! Будет вам сенсация! Ну, что же вы? Зовите, зовите! – настаивает Тимур, видя, что профессор колеблется, не зная, как воспринимать слова студента.

– И всё-таки... снова сенсация? – удручённо покачивает головой Иван Иванович. – И где же она на сей раз?

– Всеми своё время, – продолжает сохранять интригу Иванченко. – Сзывайте народ. Это надо видеть всем.

Сзывать народ Ивану Ивановичу не приходится: услышав разговор, студенты рады случаю ещё раз потешиться над неудачливым горе-археологом, они спешат к восьмому раскопу и плотным кольцом обступают его. И тут же раздаются вездливые возгласы:

– Чей нос сегодня откопали?

– Или на сей раз ухо?

– Свиное или ослиное?

– А может, ослиный хвост?

– Ради такого случая газетчиков надо бы пригласить!

– Принесите хотя бы фотоаппарат! История не простит нам такое упущение!

– И в самом деле, – для грядущих поколений следовало бы запечатлеть такое событие!

– Заколупал ты нас, Тимка, своими находками!

Возгласы постепенно утихают, и, воспользовавшись относительной тишиной, Тимур подчёркнуто спокойно спрашивает:

– Всё? Запас острот исчерпан? Тогда смотрите!

Тимур поправляет на голове свой «бриль», поднимает с земли щётку, становится в картинную позу и делает широкий жест циркового распорядителя:

– Прошу всех быть внимательными! Сейчас вы станете свидетелями мировой сенсации! Зря ухмыляетесь. Именно – сенсации! И именно – мировой.

Взмахом руки бывалого фокусника Тимур подбрасывает кверху щётку, ловко её ловит на лету и, не прекращая движения рукой, нагибается и широким взмахом проводит щёткой по кучке недавно насыпанной сухой земли. В то же мгновение из-под щётки появляется неболь-

шое белое пятно. После каждого взмаха щёткой пятно становится всё больше и объёмнее, принимая схожесть с человеческим лицом.

– Что такое? Что за цирк вы тут устроили? – начинает нервничать профессор Гребешков, решив, что его разыгрывают.

Тимур, который едва сдерживается, чтобы не запрыгнуть на радостях, молча, с отрешённым выражением лица продолжает демонстративно разметать землю. И с каждым взмахом его щётки становится всё очевиднее, что под насыпанной кучкой земли лежит мраморная статуя. Вот появляется снежно-белое лицо, далее – плечо, поднятая почти к лицу полусогнутая в локте правая рука. И тут Тимур останавливается.

– Всё! Сеанс окончен! Все свободны! Продолжение – через два-три часа. Дальше мы не успели раскопать.

Только теперь приходит в себя Иван Иванович. Забыв о своём солидном возрасте и слабом здоровье, он первым оказывается в раскопе. За ним, будто горох из дырявого мешка, сыплются в яму студенты. Каждому не терпится хотя бы дотронуться до такой необыкновенной находки. Раскоп мгновенно становится тесным и наполняется галдежом, из которого то и дело вырываются восторженные возгласы:

– Везёт же вам! Как утопленникам!

– Вот молодцы! Оба молодцы – и Тимка, и Оксана!

– Ну, вы даёте! Это надо же!

– Что тут скажешь? Везунчики и только!

– Считайте, что и вы вляпались в историю! Это уж точно в газетах пропишут!

– Будете давать интервью, не забудьте и о нас вспомнить!

Наконец и профессору Гребешкову удаётся вставить слово:

– А ведь это действительно находка года! Если статуя окажется неповреждённой... тогда я не знаю, что и сказать... – У многословного обычно профессора не хватает слов, и он лишь беспомощно разводит руками и вертит головой. – Ошарашили вы меня, ребята! Я, который роюсь в этих ямах вот уже четыре десятка лет, даже мечтать о такой находке не смел. А тут... Ну, что же, братцы, не будем мешать нашим героям работать. Вы же, – это к Тимуре и Оксане, – продолжайте извлекать этого парнишку из объятий тысячелетий. Только будьте крайне осторожными. Главное, не спешите. Закончите – позовёте. Доставать из раскопа и ставить его на ноги будем все вместе.

И вот, после трёх часов кропотливой работы, находка Тимура стоит наверху на крохотной, наспех подготовленной площадке.

На квадратном, метровой высоты постаменте из жёлтоватого известняка – мраморная статуя в полный рост юного атлета-бегуна перед стартом, готового по знаку элланодика⁸ сорваться с места и стрелой помчаться к победе. Туловище юноши наклонено вперёд, ноги полусогнуты – правая впереди, левая отставлена несколько назад, руки также полусогнуты в локтях – правая поднята к подбородку, левая отведена назад, сосредоточенный взгляд устремлён вперёд. Статуя несколько меньше натуральной величины. И тем не менее впечатление она производит необыкновенное. На постаменте высечена надпись на древнегреческом:

«Благодарная Ольвия сыну своему, быстроногому Тимону Фокритосу⁹ по прозвищу Авр¹⁰, который прославил наш город на 86-х атлетических Играх в священной Олимпии, где он с помощью Ахилла Понтарха¹¹ опередил всех своих соперников, эфебов¹² и взрослых, в беге на 1 стадий¹³ и дважды был увенчан оливковым венком олимпийщика¹⁴».

---

⁸ Элланодик – «эллинский судья», спортивный судья на Олимпийских играх.

⁹ Тимон Фокритос – Тимон, сын Фокрита. По-современному – Тимон Фокритович.

¹⁰ Авр – ветер, ветерок.

¹¹ Ахилл Понтарх – покровитель Понта Эвксинского (Чёрного моря).

Студенты вместе со своим профессором, будто замороженные, со всех сторон осматривают статую, не переставая восхищаться её красотой и мастерством древнего скульптора. При этом не забывают, конечно, похвалить изредка и Тимура с Оксаной.

– А находка-то, действительно, уникальная! – делает авторитетное заключение Иван Иванович. – Не иначе как работа Поликлета¹⁵. Ну, если не самого Поликлета, то уж кого-то из его учеников наверняка. Сомнения быть не может. Вы только всмотритесь, с какой точностью и тонкостью передана пластика здорового мускулистого тела, какие идеальные его пропорции. Так ваять умел только Поликлет!

Тут же, в раскопе номер восемь, профессор Гребешков читает своим студентам короткую популярную лекцию о жизни и особенностях творчества великого древнегреческого скульптора.

– Ребята! – окончив лекцию, спохватывается Иван Иванович. – А кто-нибудь из вас обратил внимание на лицо этого самого Тимона, сына Фокрита? А присмотритесь-ка повнимательнее на глаза, нос, подбородок.

– А что? – пожимает плечами кто-то из студентов. – Лицо как лицо. Можно сказать, симпатичное...

– Плохие из вас антропологи¹⁶, – с грустью сообщает профессор. – Ведь черты лица этого юноши – славянские. Неужели никто этого не заметил? Никакой это не грек, а наш брат, славянин. Точнее будет сказать, предок славян, поскольку в те времена славян как таковых ещё не было. Эх, вы...

– А ведь действительно! – изумлённо хлопает глазами Оксана. – И даже... а ну-ка стань, Тима, рядышком со статуей!.. И даже похож на нашего Тимура. Как две капли воды! И в самом деле, – никакой это не грек.

Когда стихают возгласы удивления, Иван Иванович с грустью произносит:

– Вот вам ещё одна загадка истории, которую вряд ли когда удастся разгадать. А жаль... Так хотелось бы знать историю жизни этого юноши.

– А почему бы нам самим общими усилиями не восстановить её? – оживляется вдруг Тимур Иванченко. – Что вы на это скажете, Иван Иванович?

– Как это? – не может взять в толк профессор. – Что ты имеешь в виду?

– Да вот... Вместо того чтобы по вечерам шлёпать картами, стучать домино да слушать одну и ту же надоевшую всем музыку, давайте сообща сочинять историю жизни Тимона Фокритоса. Возможно, у нас получится что-нибудь путное. Скажем, повесть... А может, и роман. А почему бы и нет? А назовём мы нашу повесть «Олимпионик из Ольвии». Ну, как?

– А что, это – идея! И даже, скажу я вам, замечательная идея! Молодец, Иванченко! – горячо поддерживает парня профессор Гребешков. – Сегодня же вечером и начнём...

---

¹² Эфеб – юноша.

¹³ Стадий – мера длины в Древней Греции и Риме. Греко-римский стадий равнялся 176,6 м.

¹⁴ Олимпионик (от слов Олимпия и Нике – богиня Победы) – победитель Олимпиады.

¹⁵ Поликлет – древнегреческий скульптор V века до н. э.

¹⁶ Антрополог – учёный, изучающий науку о происхождении и эволюции человека.

Часть первая. Ольвия

Было тихое солнечное утро третьего дня первой декады¹⁷ месяца артемисиона¹⁸ по милетскому календарю¹⁹ в год архонства²⁰ Гиппарха Филотидоса²¹.

Несмотря на то, что по ночам воздух бывал ещё свежим, а иногда и с морозцем, земля, благодаря последним тёплым безоблачным дням, успела подсохнуть, прогреться, и кое-где из неё начала уже пробиваться изумрудная зелень. Бирюзовое небо было чистым, без единой тучки. На улицах, а ещё чаще у хозяйственных построек копошились в поисках рассыпанного зерна шумные воробьиные стайки, в которых то и дело вспыхивали и тут же затихали скоротечные драки. На деревьях, между голых веток, прыгали, попискивая, синицы, то тут, то там слышались призывные мелодичные трели самцов горихвосток. Выползали из тесных щелей отогреваться на солнце сонные мухи. И даже крошечные муравьи уже суетливо шныряли под ногами. Всё говорило о том, что на смену холодной, порядком надоевшей всем зиме пришла наконец долгожданная весна.

Неподалёку от северных ворот Ольвии, у выходящей в проулок массивной калитки большого, похожего на крепость дома, за глухими высокими стенами которого виднелись лишь красные черепичные крыши, остановилась каурая²² лошадь с двумя всадниками: взрослым и совсем ещё юным. Оба всадника были одеты в синие шерстяные хламиды²³, накиннутые поверх белых хитонов²⁴. Всадники спешили, и пока младший привязывал лошадь к вбитому в землю колу, старший постучал в ворота висевшим на верёвочке бронзовым молоточком.

Ворота открыл не раб-привратник, как обычно, а вышедший зачем-то во двор сам хозяин дома – плотный мужчина средних лет с аккуратной чёрной курчавой бородкой и такой же короткой и курчавой копной чёрных с проседью волос на крупной круглой голове.

– Кого я вижу! Софо-он! Хайре²⁵, дружище! Признаться, не ожидал, – увидев гостей, радушно воскликнул хозяин. – Рад видеть тебя в моём доме! Что заставило вас совершить столь ранний и неблизкий путь?

– Хайре, Фокрит! Пусть боги берегут твою семью! Вдвойне рад видеть тебя! А что заставило?.. Да вот... сынишка мой Плавт, – гость вытолкнул наперёд прятавшегося за его спиной пятнадцатилетнего мальчугана, – уши уже прожужжал: покажи да покажи ему Ольвию! Впрочем, есть дела и поважнее. Надо кое о чём потолковать.

– Всему своё время! И город покажем, и о деле поговорим. А пока заходите в дом, гостями будете. За лошадь не беспокойтесь. Сейчас её напоят и отведут за дом, там у нас на лужайке травка уже успела прорасти. Или в хлев поставить?

– Лучше пусть траву пощиплет, – ответил Софон.

– Тимон! – обернувшись, позвал Фокрит. – Иди-ка, дружок, сюда!

---

¹⁷ Декада – в древнегреческих календарях 10 дней или третья часть месяца.

¹⁸ Артемисион – весенний месяц по милетскому календарю.

¹⁹ Каждый греческий город (полис) был самостоятельным государством и имел свой собственный календарь. А поскольку Ольвию основали выходцы из Милета, то и календарь у неё был милетский.

²⁰ Архонты – высшие должностные лица в древнегреческих городах и полисах.

²¹ Имеется в виду 437 г. до н. э.

²² Каурая – светло-каштановая.

²³ Хламида – верхняя мужская одежда – длинный прямоугольный кусок материи, в который обматывались, скрепляя его пряжкой на плече.

²⁴ Хитон – древнегреческая мужская и женская одежда – льняной или шерстяной короткий балахон, чаще без рукавов, собиравшийся у пояса в складки.

²⁵ Хайре! Хайрете! (Радуйся! Радуйтесь!) – приветствие.

Из дома вышел подросток лет шестнадцати, – рослый, худощавый, с внимательным взглядом больших серых глаз.

– Ты звал меня, дядюшка Фокрит?

– Набери воды и дай попить лошади, а потом привяжешь её на лужайке за домом. Пусть попасётся.

– Можно, я с ним? – вызвался Плавт.

– Почему же нельзя? Тем более что лошадь твоя, – добродушно усмехнулся Фокрит.

– Пошли! – Тимон без всяких церемоний, будто встретил давнего приятеля, взял за руку гостя и увлёк его за собой к колодцу, который находился здесь же, во дворе. – Значит, тебя Плавтом зовут? А меня, как ты слышал, – Тимоном. Вот мы и познакомились. Вы откуда, Плавт, приехали? Издалека?

– Из деревни. Мы живём почти на самом берегу Гипаниса²⁶. Отец говорит, что от нас до Ольвии не меньше тридцати стадиев будет.

– Ого! Приличное расстояние... Я так далеко ещё не бывал. Как там у вас?

– Хорошо! Приволье-е, скажу я тебе-е! Но скучновато немного. Если по правде, то очень скучно. Нет поблизости ребят. Вот я, например... всё один да один. Дома ведь у нас далеко друг от друга стоят. Не то что у вас тут, в Ольвии, со всех сторон соседи рядышком.

Ребята набрали киафом²⁷ из колодца воды, перелили её в широкий мармит²⁸ и, взяв его за ручки, вынесли на улицу. Напоив лошадь, отвели её за дом и привязали там к растущему на лужайке деревцу. Но обратно в дом не торопились. Плавт был откровенно рад новому знакомству и не скрывал этого. Ведь приятель у него теперь будет не где-нибудь, а в самой Ольвии! Поэтому он был не прочь подольше побыть наедине с Тимоном. Да и Тимоноу пришёлся по душе этот скромный и общительный мальчишка, с которым он чувствовал себя, будто с давним приятелем, просто и непринуждённо.

Тем временем Фокрит и Софон, обмениваясь новостями, вошли, миновав небольшие сени, во двор и, в ожидании мальчишек, присели за большим столом, стоявшим посреди двора. Но мальчишкам было не до них...

– Тимон, а Фокрит разве не отец тебе? Почему ты назвал его дядюшкой? – спросил Плавт.

– Он мой хозяин, – неохотно ответил Тимон, – а я его раб. Он купил меня совсем малым, когда мне и семи не было.

– Вон оно что... – потускневшим враз голосом произнёс Плавт. – Извини. Я ведь думал...

– Но он хороший! – поспешил оправдать своего хозяина Тимон. – Он для меня почти как отец. Не ругает, не наказывает, работать много не заставляет. Читать меня научил. Писать вот пробую. А жена его, тётюшка Мелисса, так та вообще относится ко мне, как к родному. Так что жить можно. Да и привык я уже. Это вначале было плохо...

– Мой отец тоже хороший. А что уж любит меня да бережёт! Никуда от себя не отпускает. Я ведь в семье единственный ребёнок. И я тоже читать уже научился. Взялся вот недавно за Гомера²⁹. «Илиаду» пытаюсь осилить. До чего же интересное сочинение, скажу я тебе!

– Я знаю. «Илиаду» я уже всю прочитал. Некоторые стихи наизусть даже заучил. Теперь читаю «Одиссею». Тоже интересная поэма. Только вот... великоваты они малость, эти поэмы. Пока доберёшься до конца, забудешь, что в начале было.

– Ты прав. И как этот Гомер ухитрялся писать такие здоровенные сочинения? А ещё вроде как слепым был... Странно... Я бы ни за что не смог, хоть и вижу хорошо, – простодушно

---

²⁶ Гипанис – древнегреческое название реки Южный Буг.

²⁷ Киаф – глиняный ковш с высокой ручкой.

²⁸ Мармит – ёмкость, предназначенная для хранения продуктов и готовой пищи.

²⁹ Гомер – легендарный поэт-сказитель, живший в VIII веке до н. э., автор эпических поэм «Илиада» и «Одиссея».

сознался Плавт и перевёл разговор на другое: – А во что вы тут играете, в городе? Какие у вас самые любимые развлечения?

– У нас мальчишки поменьше больше всего любят играть в «слепого»³⁰.

– А глаза у вас завязывают или только зажмуривают их? – поинтересовался Плавт.

– Кто как: хотят – завязывают, хотят – не завязывают. Как договорятся.

– А ещё какие ты игры знаешь?

– Ребята постарше предпочитают тригон. Игра есть такая с мячом.

– Научишь?

– А тут и учить, собственно, нечего. Игра совсем простая. Играют втроём. Становятся треугольником и бросают друг другу мяч. Смысл игры в том, чтобы поймать мяч одной рукой, тут же перекинуть его в другую руку и уже ею бросить его кому-нибудь из двух партнёров. Главное в этой игре – поймать мяч, не уронив его на землю, и как можно скорее избавиться от него, то есть преправить дальше.

– Да, игра интересная... Нужна хорошая сноровка.

– Ещё бы! Ну, а парни повзрослее чаще всего играют в эфетинду. Тоже игра с мячом. В эту игру могут играть восемь, десять и больше человек. Игроки становятся в широкий круг и бросают друг в друга мяч. Целятся, как правило, в голову, бросают с силой – словом, стараются, чтобы, когда попадут, партнёру было как можно больнее. А чтобы попасть, делают вид, будто хотят бросить мяч в одного игрока, а на самом деле бросают совсем в другого, который меньше всего готов к ловле мяча. Поэтому все игроки постоянно должны быть предельно внимательными и ни на миг не спускать глаз с мяча. Мяч ведь тяжёлый³¹, и если попадёт в лицо, а тем более в нос, то приятного мало. Задача того, к кому летит мяч, поймать его в воздухе и бросить таким же способом в любого из игроков. Часто бросают в стоящих рядом парней, поскольку те меньше всего ожидают броска. Да и мячу лететь ближе.

Плавт сокрушённо вздохнул:

– Игры хорошие, слов нет. Жаль только, что играть мне в них вряд ли когда придётся.

Не с кем у нас играть...

– А во что же ты играешь? Как развлекаешься?

– Какие там развлечения! – неохотно ответил Плавт. – Бегаю иногда наперегонки с нашим псом Аргусом³². Да ещё в петейю³³ сам с собой играю.

– Так ты бегаешь наперегонки с псом? Вот чудак! – не смог удержаться от смеха Тимон. – Ну, и кто кого перегоняет: ты Аргуса или Аргус тебя?

– Как когда, – смущённо усмехнулся Плавт. – Когда – я, когда – Аргус. Но чаще всего он бежит рядом. Он ведь не понимает, что надо обгонять меня.

– А ты знаешь, я ведь тоже люблю бегать. И, наверное, больше всего на свете! А так... по целым дням помогаю дядюшке Фокриту. Я ведь у него и за помощника, и за посыльного. Постоянно приходится быть рядом. Но зато благодаря этому иногда есть возможность побегать вволю.

– Как это? – вопросительно поднял брови Плавт.

– Посыльному часто приходится по заданию хозяина куда-то спешить. Вот я и бегу... И хозяин доволен, что я быстро справляюсь с поручением, и я удовольствие получаю. Словом, такая работа мне по душе. Хотя... лучше было бы вместо беготни по людным городским улицам побегать в гимнасии³⁴ или на стадиуме³⁵...

---

³⁰ «Слепой» – игра в «жмурки».

³¹ Кожаные мячи чаще всего набивались овечьей шерстью и потому были довольно тяжёлыми.

³² Аргус – многоглазый великан, бдительный страж.

³³ Петейя – настольная игра, напоминавшая современные шашки.

³⁴ Гимнасий – общественное заведение, в котором юноши занимались грамотой и атлетикой (спортом).

– А в чём дело? Почему не бегаешь там?

– Туда пускают только граждан Ольвии. А я – раб... – неохотно промолвил Тимон.

– А знаешь что, Тимон... – решив поднять настроение приятеля, предложил вдруг Плавт. – А давай-ка мы с тобой наперегонки пустимся! Хотя бы вон к тому тополию в конце улочки и назад. Посмотрим, кто из нас быстрее бежит.

– А что! Это можно, – тотчас оживился Тимон. – Только бежать просто так неинтересно. Предлагаю условие: кто прибежит первым, тот становится басилевсом³⁶, а кто отстанет – ослом. Ну и, понятно, осёл должен нести на спине басилевса. Эта забава называется у нас «эфедрисм».

– Пусть будет по-твоему! Эфедрисм так эфедрисм, – согласился Плавт, втайне надеясь, что носить ему Тимона не придётся. – Раздеваемся?

– Конечно.

Оставшись в одних хитонах, мальчишки стали рядышком и по команде Тимона на счёт «три» сорвались с места.

– Что-то долго ребят нет, – забеспокоился Фокрит и, выйдя на улицу, заглянул за угол дома. – Э-э! Да они там, похоже, атлетические состязания затеяли. Вроде как забег у них, – удивлённо воскликнул он. – Клянусь Аполлоном³⁷! До чего ведь додумались... Софон, иди-ка сюда, полюбуйся на них!

Заинтригованный, Софон поспешил на улицу.

– И в самом деле! Устроили состязание, а нам ничего не сказали. Но что я вижу! Не может быть! – не мог поверить своим глазам Софон. – Фокрит, ты только взгляни, как легко твой мальчишка обходит моего Плавта! А ведь Плавт очень даже прилично бежит. Считаю, каждый день тренируется, гоняет наперегонки с нашим псом Аргусом. Плавт, ну что же ты! Нажми! Поддай! – войдя в азарт и забыв о солидности, стал выкрикивать Софон. Но вскоре вынужден был признать тщетность своих призывов: – Нет. Маловато силёнок у Плавта, за Тимонем ему не угнаться. И как же бежит красиво твой Тимон! Будто и земли не касается ногами. Да он у тебя настоящий атлет! Вот посмотришь: когда-нибудь этот парнишка прославит Ольвию. Попомнишь моё слово! Я в этом деле кое-что смыслю. Ты же знаешь, что мой брат Горгий – сейчас он живёт в Милете и служит там помощником гимнасиарха³⁸ – был когда-то известным атлетом. Мой тебе совет: отведи Тимона в гимнасий.

– Я бы отвёл, да только вряд ли примут его. Он ведь раб. Хотя попробовать можно...

– Обязательно попробуй! – стоял на своём Софон. – Кстати, откуда он у тебя?

– Из невров³⁹. Может, слышал о таком народе? Живёт где-то в верховьях Тираса⁴⁰ и Гипаниса. Я купил его у какого-то скифа⁴¹. И не могу нарадоваться своей покупке: до чего же шустрый и сообразительный мальчуган попался! Мало того, что калякает по-гречески, как заправский грек, так он уже и читать по-нашему научился. И даже писать. И помощник незаменимый, скажу я тебе. Думаю, ещё года два-три – и я сделаю его управляющим своим хозяйством.

– Да-а, повезло тебе с этим мальчишкой, и, даже можно сказать, крупно, – вынужден был согласиться с Фокритом гость. – А как насчёт собственных? Предвидится что-нибудь?

– Нет, – помрачнел Фокрит. – Куда уж только ни ходили мы... А сколько жертвоприношений совершили! И всё бесполезно. Отвернулись от нас боги...

– А ты не думал другую жену себе подыскать?

³⁵ Стадиум – древнегреческий стадион.

³⁶ Басилевс – царь.

³⁷ Аполлон – бог солнечного света, покровитель искусств.

³⁸ Гимнасиарх – руководитель гимнасия.

³⁹ Невры – народность, жившая, если верить Геродоту, между Южным Бугом и Днестром, предки славян.

⁴⁰ Тирас – так древние греки называли реку Днестр.

⁴¹ Скифы – народность, населявшая Северное Причерноморье.

– Ну что ты! Об этом и речи быть не может! Мы ведь с Мелиссой женились по любви. И до сих пор любим друг друга. Да и хозяйка она замечательная. Ты же знаешь... Как я без неё? Нет...

– Остаётся один выход: усыновить кого-нибудь.

– Это другое дело... – неохотно согласился Фокрит. – Мы и сами начали уже подумывать об этом... Годы ведь идут...

– Что я вижу? – спохватился вдруг Софон, взглянув в конец улицы. – Фокрит, посмотри-ка: мой Плавт тащит на спине твоего Тимона! Что это значит?

– Это значит, что они не просто бегали наперегонки, а устроили эфедрисм.

– Что это такое?

– Это когда победитель объявляется басилевсом, а побеждённый – ослом, и осёл обязан пронести на себе басилевса. Забава такая есть у здешних ребят.

– Хорошая забава, – не стал перечить Софон. – Жаль только, что не наоборот вышло. Меня больше устроило бы, если бы Тимон тащил на себе Плавта.

– Ишь, чего захотел! – добродушно рассмеялся Фокрит. – Ну уж нет! Пока придётся довольствоваться тем, что есть!

Фокрит и Софон, весело посмеиваясь, по-приятельски похлопали друг друга по плечу.

– Ну, что ж, поразвлеклись малость, – сказал хозяин дома, – теперь можно и позавтракать. Ребята! – окликнул он раскрасневшихся мальчишек. – Давайте-ка сюда! После такого напряжённого состязания не грех и подкрепиться.

– Что же ты, слабак? – Софон с напускной суровостью взъерошил рыжие вихры на голове подошедшего сына.

– Попробовал бы ты с ним побегать, тогда говорил бы, – сказал, оправдываясь, Плавт и с уважением взглянул на Тимона. – Я даже не думал, что можно так быстро бегать.

– Да видел я, видел. Бегаёт он, действительно, здорово! Но ты, сынок, не расстраивайся, – попытался приободрить Плавта Софон. – Потренируешься ещё малость с Аргусом и, может, обгонишь когда-нибудь Тимона. Так что ты, Тимон, не очень зазнавайся. А главное, тоже не забывай о тренировках. Без тренировок, настоящих тренировок, ничего, брат, не добьёшься.

Все четверо вошли во двор. Софон в этом доме бывал уже не раз и хорошо его знал. А вот Плавт попал сюда впервые и потому на всё обращал внимание, ко всему присматривался. И, надо признаться, всё ему здесь нравилось. Нравился просторный квадратный двор, вымощенный плоским булыжником, посреди которого стоял большой овальный стол. Нравился невысокий портик⁴² у средней стены. «Как хорошо, должно быть, под его крышей в дождь или жару почитать «Илиаду» или поиграть с кем-нибудь в петейю!» – с завистью подумал Плавт. Да и весь дом ему понравился, – большой и добротный, состоящий как бы из трёх отдельных домов, расположенных буквой «пи»⁴³. Каждый из этих домов аккуратно был выложен из необожжённого кирпича. И если стены дома были снаружи глухие, то здесь, во дворе, в каждой стене имелаась дверь – в правой их даже две было – и по несколько окон. Впрочем, так или почти так были устроены все ольвийские жилые дома. Плавт успел это заметить, когда они ехали сюда. Но больше всего восхищал Плавта водосборник: наклонённые внутрь двора односкатные крыши из красной черепицы, к краям которых приделаны черепичные желоба. Водосборник устроен был так, что дождевая вода со всех крыш стекала в соединённые между собой желоба, из желобов – в трубу, а из трубы – в большой круглый колодец, устроенный в углу двора.

---

⁴² Портик – открытая с одной стороны галерея с колоннадой.

⁴³ Пи – буква греческого алфавита, наша – П.

Услышав во дворе голоса, из гинекея⁴⁴ вышла жена Фокрита – хрупкая миловидная женщина с простенькой и в то же время изящной причёской на голове, одетая в длинный, чуть ли не до пят, белый полотняный хитон.

– А я-то думаю, кто к нам пожаловал? – приветливо улыбнулась она. – Хейре, Софон! Какими ветрами?

– Хейре, Мелисса! Всех тебе благ! А ветрами?.. Да всё теми же, нашими, степными.

– А это что за парнишка с тобой? Уж не сын ли? – поинтересовалась Мелисса, хотя и так уже догадалась об этом. Спросила единственно для того, чтобы доставить приятное гостю.

– А то кто же? – в голосе Софона послышалась плохо скрытая гордость. – Плавтом зовут.

– Будь счастлив, Плавт! – хозяйка одарила мальчишку доброжелательной улыбкой и не без доли зависти заметила: – Тебе есть чем гордиться, Софон.

– Мелисса! – взял жену за руку Фокрит. – Люди с дороги. Организуй чего-нибудь поесть. Да и нам уже пора бы подкрепиться. Вот и позавтракаем вместе.

– Где будете завтракать? В столовой?

– В столовой? Нет, пожалуй, будет лучше здесь, во дворе. На улице уже достаточно тепло. Ты тоже к нам присоединяйся. И Тимона позови. Он сам при чужих людях не осмелится сесть за стол.

Мелисса возвратилась в дом, и вскоре оттуда вышли две рабыни – молоденькая и постарше. Они поставили на стол низкую плетёную корзину с продолговатыми ячменными лепёшками, корзинку поменьше с хорошо сохранившимися за зиму головками чеснока и лука, большую тарелку с зажаренными голубями под чесночным соусом, запах которого тотчас распространился по всему двору, и расписанный белым по чёрному кратер с вином. Затем на столе появились кувшин с чистой водой и несколько чаш. Прежде чем сесть за стол, Фокрит, Мелисса, Софон, Плавт и Тимон, как надлежит, совершили омовение, говоря проще, помыли руки и вознесли молитву покровителю Ольвии Аполлону. Тимона хозяин усадил между собой и Плавтом.

Фокрит и Софон – давние приятели, а поскольку виделись они редко, то поговорить у них всегда было о чём.

– Такое впечатление, что Ольвия хорошеет не по годам, а по дням, – заметил между прочим Софон, макая в разбавленное водой вино кусок лепёшки. – Я перестаю узнавать этот город. Хотя и бываю здесь не так уж редко. В чём дело?

– Ты не всё ещё видел. И то ли вскоре увидишь! – в голосе Фокрита слышалась неподдельная гордость за свой город. – Всё дело в том, что мы наконец избрали толковых архонтов. Особенно повезло нам с архонтом-басилевсом⁴⁵, который думает не о том, какую бы выгоду иметь от этой должности, а постоянно заботится о городе. Я говорю о Гиппархе, сыне Филотидоса. Представь себе: он начал обустривать в городе канализацию! Ты, конечно, не знаешь, что это за штука такая. Попробую объяснить. Теперь вся вода со всех дворов и улиц, а с нею, конечно, и всякие нечистоты, будет стекать в специальные колодцы, а оттуда – по керамическим трубам – прямиком в Гипанис. Представляешь? И эти трубы будут проложены под тротуарами и под дорогами. То есть они не будут никому мешать, их даже видно не будет. Каково? Ольвия становится совсем другим городом, не то что раньше была. Скоро на улицах у нас не будет ни помоек, ни луж, ни грязи, ни вони. Представляешь, насколько приятнее и удобнее будет жить в таком городе! Но и это не всё. Ещё Гиппарх собирается построить в городе водопровод и подвести воду едва ли не к каждому дому. И непременно – в каждое общественное здание. Вот так!

---

⁴⁴ Гинекей – женская половина древнегреческого жилого дома.

⁴⁵ Архонт-басилевс – первый (главный) архонт.

– Это действительно здорово! Могу только позавидовать вам, – порадовался с Фокритом Софон. – Хоть бери да перебирайся к вам в город. Хотя нет! Я ни за что не поменял бы свой хутор на все ваши городские блага. У нас простор, воля, а у вас, куда ни ткнишь, стены да стены. И народу уйма, всюду толчея. Нет! Это не для меня. Если бы не эти разбойники-скифы, которые, случается, озорничают у нас, можно было бы считать, что я живу где-то в Элизии⁴⁶. Видели бы вы, как чудесно у нас весной, когда вокруг сады зацветают! Красота неопишная! А летом, когда поля с созревшей пшеницей кажутся залитыми золотом!.. Нет! Вам, городским жителям, этого не понять...

– Это почему же? – вступилась за горожан Мелисса. – Я, например, с удовольствием жила бы в деревне. Там, как мне кажется, всё проще, понятнее, меньше условностей и всяческих там запретов.

– Кстати! О пшенице! – вспомнив о главной причине своего путешествия в Ольвию, резко поменял тему разговора Софон. – Я ведь к тебе, Фокрит, приехал об этой самой пшенице потолковать. Ты мне скажи вот что: что слышно из Эллады⁴⁷ насчёт закупок у нас в этом году зерна? Слухи какие-нибудь доходят? И что ты лично посоветуешь? Меня интересует, чего больше сеять: пшеницы или ячменя? И сколько.

Фокрит, не задумываясь, уверенно ответил:

– Сей пшеницу! И побольше! В Элладе уже началась навигация, и три дня тому назад к нам пришёл первый торговый корабль. Из Афин⁴⁸. Привезли хорошие вести. Для нас хорошие, имеется в виду. Оказывается, у них там, у афинян, что-то не заладилась торговля зерном с Египтом, и теперь Афины рассчитывают только на Ольвию и Пантикапей⁴⁹. Даже грамматиций⁵⁰ насчёт этого мне прислал мой афинский клиент. Ячмень также будут закупать. Но меньше. Пшеницу – всю, какая будет. Афиняне – народ изнеженный, им подавай только пшеничный хлеб! Сей, Софон, побольше. Можешь рассчитывать на пять тысяч медимнов⁵¹. А то и на больше. Да и мне медимнов сто понадобится, на муку и крупу. Словом, забираю всё, что вырастишь. До последнего хеника⁵²! И соседям передай, пусть побольше сеют.

– Пять тысячи медимнов! Ого-о! – сделал большие глаза гость. – Я, пожалуй, столько и не засею...

– Постарайся, заработаешь прилично. Заготовливай также мёд, воск, шкуры какие там есть. Афиняне всё заберут, город богатый.

– Ну, что ж... – поднялся из-за стола Софон. – Спасибо за угощение, за хорошую новость и совет. Ещё день-два, и буду приступать к севу.

– Посидел бы ещё, – попробовала задержать гостя Мелисса. – Куда торопишься?

– Рад бы, дорогая Мелисса, посидеть, да надо ещё по лавкам пройтись, купить кое-что хочу. А ещё я Ольвию обещал Плавту показать. Он ведь только из-за этого и ехал сюда.

Пошептавшись о чём-то с Плавтом, Тимон тронул хозяина за руку.

– Дядюшка Фокрит, можно я покажу Плавту город? А?

– Отчего же нельзя? – пожал плечами Фокрит. – Конечно, можно. Тем более что город ты знаешь лучше, чем отец Плавта. Валяйте вдвоём! Это вы хорошо придумали: и вам обоим будет интереснее, и у отца останется больше времени на поиск своих покупок. Не так ли, Софон?

⁴⁶ Элизий – загробный мир, где блаженствуют праведники.

⁴⁷ Эллада – так древние греки называли свою страну.

⁴⁸ Афины – в древние времена столица Аттики, позже и по сей день – столица Греции.

⁴⁹ Пантикапей – столица Боспорского царства (Восточный Крым).

⁵⁰ Грамматидий – складывающиеся две восковые дощечки для письма, записок.

⁵¹ Медимн – мера объёма – 52,39 л.

⁵² Хеник – мера объёма – 1,09 л.

– Именно так! Я даже рад, что так обернулось. Вдвоём им действительно будет интереснее. – Порывшись в полотняном кошелье, который свисал у него с плеча под хламидой, Софон достал несколько халков⁵³ и протянул их Тимону. – Купите там себе чего-нибудь сладкого.

Чтобы не отставать от гостя, Фокрит зашёл в дом и тоже вынес мальчишкам несколько монеток.

– Только, ребята, не очень увлекайтесь, – предупредил их Софон. – Не забывай, Плавт, что сразу после полудня мы должны отправиться домой.

* * *

Выйдя со двора и миновав небольшой проулок, мальчишки оказались на большой, шириной больше двадцати пахюсов⁵⁴, улице. Проезжая её часть была вымощена щебнем вперемежку с битой керамикой и черепицей, а пешеходные дорожки – плоским булыжником.

– Это у нас Главная улица, она тянется через весь город с севера на юг, – объяснил Тимон. – Так что ты хотел бы увидеть?

– Всё, что покажешь, – кратко ответил Плавт. – Я ведь в Ольвии впервые.

– В таком случае начнём с Теменоса. Вон он слева у нас, – указал Тимон на видневшуюся неподалёку слева высокую жёлтокаменную ограду с портиками.

– А что такое Теменос? – поинтересовался Плавт.

– Это священное место Ольвии, там находятся главные святыни города: храмы и алтари. В Теменосе проводятся всякие торжественные мероприятия: празднества, жертвоприношения, по разным случаям возносятся молитвы богам и всё такое.

Обойдя ограду с северной стороны и миновав арочные ворота в восточной ограде, украшенные лепниной необычайно тонкой работы, Тимон и Плавт вошли в Теменос.

В отличие от улицы Теменос был вымощен жёлтой известняковой крошкой и тщательно утрамбован. Бросалась в глаза царившая повсюду чистота. Можно было подумать, что это не общественная площадь, а чей-то тщательно подметённый двор.

Едва ребята вошли в Теменос, как у Плавта широко раскрылись от восхищения глаза.

– Вот это да! До чего же красиво! Что это такое? – воскликнул он, указывая на возвышавшееся у северной ограды величественное здание с четырьмя поддерживающими фронтоном⁵⁵ колоннами и статуей прекрасного молодого мужчины с вьющимися волосами в небрежно накинутом на плечи гиматий⁵⁶ перед входом.

– Это у нас храм Аполлона Дельфиния⁵⁷. А это сам Аполлон стоит. Ты, думаю, слышал, что в Ольвии этот бог самый почитаемый из всех олимпийцев?⁵⁸ У нас его чтят больше, чем самого Зевса⁵⁹. Ведь он – покровитель торговли, мореплавания и переселенцев. А главное, он является опекуном и покровителем Ольвии.

Чтобы лучше рассмотреть храм, Плавт не спеша обошёл его вокруг, жадно всматриваясь в богатые лепные украшения и настенные росписи.

– Умеют же люди чудеса творить! – возвратившись, восхищённо воскликнул он.

– А это у нас Священная Роща, – Тимон указал на небольшой, аккуратно разбитый слева от храма сквер. На росших в Роще клёнах и липах уже начали показываться из лопающихся

---

⁵³ Халк – ольвийская мелкая монета.

⁵⁴ Пахюс – мера длины, равная 46,2 см.

⁵⁵ Фронтон – треугольное завершение фасада здания.

⁵⁶ Гиматий – верхняя одежда в виде плаща, состоящая из цельного куска материи.

⁵⁷ Аполлон Дельфиний – охранитель мореходов.

⁵⁸ Олимпийцы – греческие боги, обитавшие на горе Олимп.

⁵⁹ Зевс – верховный бог эллинов.

почек крошечные листики, и издали казалось, что деревья окутаны прозрачной зелёной дымкой. – В праздники здесь приносятся жертвоприношения богам. Вон там, у стены, алтарь⁶⁰ для возлияний. А этот, перед нами, – для жертвоприношений. То есть сожжений. А тот, что позади, большой, на помосте, – это главный алтарь Теменоса. На нём совершаются только самые важные жертвоприношения с участием жрецов.

– Это тоже алтари? – Плавт показал на выстроившиеся в ряд перед Рошей небольшие возвышения из песчаника.

– Нет, – мотнул головой Тимон, – это постаменты. На них устанавливают бюсты ольвиополитов, которые заслужили особое уважение граждан Ольвии. Видишь вон те два бюста? Этот, что поближе, бюст самого богатого горожанина, банкира Спифона. Он на свои средства построил в Афинах в подарок нашему городу боевую унирему⁶¹. Для защиты порта от всяких там непрошенных гостей. Морских разбойников, имеется в виду.

– Неужели нападали? Как интересно!

– Пробовали. Только ничего у них не вышло. Теперь, когда город имеет унирему, и сунуться не посмеют. Второй бюст – это купец Локр. Он уже трижды был хорегом. Ну-у... на свои деньги организовывал для горожан на Большие Дионисии⁶² бесплатные театральные представления. А ещё на этих постаментах выставляют плиты с высеченными на них решениями народного собрания и распоряжениями городского совета и коллегии архонтов.

– А это что за дома?

– Вон тот, справа в углу, – Тимон указал на массивный двухэтажный дом у северо-восточного угла ограды, из печной трубы которого вился в небо белый дымок, – это литейные и гравировальные мастерские. Там мастера изготавливают разные вещи из меди и бронзы. Даже небольшие статуи и бюсты отливают. Туда посторонних не пускают. А в тот дом, – Тимон кивнул в сторону совсем уж невзрачного (в сравнении с храмом и литейной мастерской) одноэтажного домика с крошечными окнами, перед которым прохаживались двое вооружённых короткими мечами и копьями воинов, – нас тем более не пустят. Там находится городская сокровищница. В ней хранится всё богатство Ольвии: деньги, золото и всякие там драгоценности. Что тут ещё интересного? Пожалуй, больше ничего. Да! Слева от Священной Роши вскоре начнут возводить храм Зевса. Говорят, он будет побольше и покрасивее храма Аполлона Дельфиния. Но это в будущем...

Вернувшись на главную улицу, мальчишки продолжили свой путь вдоль западной ограды Теменоса. Как только ограда кончилась, слева перед ними открылось тянущееся вдоль южной стороны Теменоса величественное здание в виде галереи с глухой задней стеной и одним продолжным рядом колонн, которые поддерживали массивную крышу.

– А это стоя⁶³ – самое большое в Ольвии строение, – объяснил Тимон. – Его длина – полтора плетра⁶⁴, а ширина – половина плетра. В плохую погоду здесь проводятся народные собрания. А ещё тут выступают местные и заезжие поэты, музыканты, ораторы и философы, организуются торжественные встречи важных заморских гостей и послов, в большие праздники устраиваются общегородские пиры.

– Да-а! Это строение! – восхищённо протянул Плавт. – Надо же такое возвести! И как это людям удаётся?

– На той стороне улицы, – показал Тимон на большой дом, обращённый фасадом с портиком к стое, – здание Дикастерия – городского суда. Сюда лучше не попадать. Поэтому быст-

---

⁶⁰ Алтарь – сооружение в виде постамента для жертвоприношений.

⁶¹ Унирема – боевое парусно-гребное судно с одним рядом вёсел.

⁶² Дионисии – празднества в честь бога виноградарства, виноделия и веселья Диониса.

⁶³ Стоя – крытая колоннада, то же, что портик.

⁶⁴ Плетр (100 стоп) – мера длины, равная 30,83 м.

рее минуем его и пойдём дальше, – засмеялся провожатый Плавта и прибавил ходу. – И, наконец, перед нами, что? Агора – главная площадь Ольвии.

Мальчишки свернули влево.

– Ого, какая большая! – заметил Плавт. – Для чего она такая?

Плавт не преувеличивал: площадь и в самом деле была большой. Каждая её сторона имела в длину не меньше двух плетров. С южной стороны её ограничивали два здания: одно большое, другое поменьше. С восточной и западной сторон вдоль площади тянулись ряды торговых лавок.

– На Агоре обычно проводятся народные собрания. Здесь запросто может поместиться всё население Ольвии, – не без гордости разъяснил Тимон. – Имеется в виду мужское население: женщины, а тем более дети, участия в народных собраниях не принимают. В обычные же дни площадь служит главным торговым центром города. Идём-ка поближе, – там есть на что посмотреть.

– А сладостями тут торгуют? – как бы невзначай спросил Плавт.

– Со сладостями придётся повременить. Едой торгуют на других рынках. Здесь иной товар.

Несмотря на обычный будничный день, на Агоре было довольно многолюдно. Плавт, во всяком случае, такое скопище народа видел впервые, и от непривычки ему стало как-то не по себе. Тимон, наоборот, чувствовал здесь себя, как рыба в воде.

На самой площади то тут, то там стояли кучками ольвиополиты и оживлённо обсуждали городские новости, а также новости и слухи, дошедшие из Эллады и соседних полисов⁶⁵. То и дело встречались люди в диковинной чужеземной одежде, и слышалась чужая непонятная речь: то скрипучая, то гортанная, то шипящая. Больше всего народу толпилось, конечно, у торговых лавок. Присоединились к ним и Тимон с Плавтом.

И чего только не увидел в этих лавках Плавт! У него просто глаза разбегались от изобилия и разнообразия товаров. Были здесь и различные инструменты для землепашцев, ткачей, столяров, плотников, кузнецов, рыбаков, и всевозможные, какие только душа пожелает, светильники, и на любой, самый изысканный вкус, женские украшения, и терракотовые статуэтки – крошечные и довольно внушительных размеров, однотонные и раскрашенные.

А что уж тканей!.. Плавт даже подумать не мог, что на свете существует такое разнообразие расцветок. Лавка с развешанными в ней афинскими тканями была похожа на сказочную, пёстро раскрашенную коробку. Хотя посещение ольвийскими женщинами агоры не поощрялось (почти все покупки делали их отцы, мужья или рабы), у этой лавки можно было увидеть и женщин. Правда, в сопровождении рабов, которые зорко следили за тем, чтобы какой мужчина не заговорил с их госпожой.

Постояли мальчишки и у мебельной лавки, где продавались украшенные тонкой резьбой и инкрустацией сундуки, столы, дифромы⁶⁶ и дроносы⁶⁷.

На лавку с заморскими винами, привезёнными с Хиоса⁶⁸, из Фракии⁶⁹ и Аттики⁷⁰, хотя и там народу было достаточно, ребята почти не обратили внимания.

Зато у внушительной по размерам лавки с гончарной посудой, доставленной из Афин, они топтались долго, терпеливо снося толчки и недовольные замечания покупателей. Здесь можно было стоять и смотреть бесконечно. Чего тут только не было! Огромные, в рост чело-

---

⁶⁵ Полис – город, самостоятельное государственное образование.

⁶⁶ Дифром – низкий складной стул без спинки.

⁶⁷ Дронос – кресло.

⁶⁸ Хиос – остров в Эгейском море.

⁶⁹ Фракия – древнее государство между Балканскими горами и Понтом Эвксинским.

⁷⁰ Аттика – древнегреческое государство-полис.

века, пузатые пифосы для хранения зерна; не уступающие пифосам в высоте, и даже повыше их, изящные амфоры с двумя ручками – плоскодонные и остродонные; чуть поменьше пифосов и амфор – стамносы, бикфосы и мармиты; похожие на амфоры кадосы; кувшины с тремя ручками, которые назывались «гидрии»; очень удобные в дороге кофоны и бомбилиосы; лекифы и алабастры для хранения благовоний; кутерии для умывания; кратеры для смешивания вина с водой⁷¹. Там же была разнообразная кухонная утварь: кратериски, ойнохой, хусы, прохусы, котили, киафы, аски, фиалы, килики, пелики, скифосы, кантары, кархэсионы, ритоны. Были там и крохотные в сравнении с гидриями, а тем более с пифосами, узкогорлые арибаллы. Но удерживало Тимона и Плавта у этой лавки не столько многообразие продаваемой посуды, сколько великолепная роспись на большинстве этих изделий. Сюжеты росписей были самыми разнообразными. Преобладали сценки из жизни богов и героев: Зевса, Аполлона, Артемиды⁷², Гефеста⁷³, Прометея⁷⁴, Персея⁷⁵, Ахилла⁷⁶, Ясона⁷⁷. Немало было рисунков с изображением состязаний атлетов. Встречались росписи, взятые из жизни простых людей: крестьян, рыбаков, охотников, пастухов, ремесленников, музыкантов и танцовщиц. Но больше всего было росписей, рассказывавших о подвигах Геракла⁷⁸. Все эти чудесные рисунки были искусно выполнены красным по чёрному фону и белым или чёрным по красному фону.

Дойдя до конца этого ряда, мальчишки оказались перед большим двухэтажным зданием, массивная дверь которого почти не закрывалась: в неё то и дело входили и выходили озабоченные люди.

– В этом здании у нас городская управа, здесь обитает всё городское начальство, разные там коллегии: архонтов, семи, девяти, агораномов, астиномов. Да ещё всякие писцы и конторщики. А вот это – гимнасий, – продолжал Тимон, подведя Плавта к соседнему, намного большему по занимаемой площади одноэтажному зданию с лепным изображением головы Медузы горгоны⁷⁹ на фронтоне. – Здесь эфебы и грамоте учатся, и атлетическими упражнениями занимаются. Для этого там имеется большой гимнастический зал. В гимнасии даже бани с горячей водой имеются. Чтобы вспотевшие после занятий ребята могли помыться.

– А это правда, что там занимаются одни мальчишки? – полюбопытствовал Плавт.

– Конечно, правда.

– А почему так? Разве девочкам не надо учиться?

– Сразу видно, что ты живёшь в деревне и не знаешь городских обычаев. Вот мы сколько прошли по городу, а ты много видел женщин? – спросил Тимон. – Даже здесь, на Агоре? Можно сказать, одних мужчин мы всё время и видим. А почему?

– В самом деле, почему? – уставился вопросительно на Тимона Плавт.

– В городе принято, что эллинская⁸⁰ женщина, будь она молодая или пожилая, должна находиться дома и заниматься домашними делами: шитьём, ткачеством, приготовлением еды, присмотром за рабами, воспитанием детей, – старался как можно доходчивей объяснить Тимон. – Зачем ей грамота? А тем более, гимнастические упражнения? Другое дело – мужчины. Они работают, торгуют, занимаются политикой и государственными делами. Наконец,

⁷¹ Чистое вино греки употребляли крайне редко. Обычно его смешивали с водой.

⁷² Артемиды – богиня-дева, покровительница живой природы, дочь Зевса.

⁷³ Гефест – бог огня, покровитель кузнечного ремесла и самый искусный кузнец.

⁷⁴ Прометей – титан, подаривший людям огонь, за что был жестоко наказан богами.

⁷⁵ Персей – герой мифических сказаний, совершивший ряд подвигов.

⁷⁶ Ахилл – мифический герой, участник Троянской войны.

⁷⁷ Ясон – сын царя Иолка Эсона, предводитель аргонавтов.

⁷⁸ Геракл – герой, сын бога Зевса и Алкмены – жены героя Амфитриона.

⁷⁹ Медуза горгона – чудовище, превращавшее взглянувших на неё в камень.

⁸⁰ Эллин, эллины – так называли себя древние греки.

когда приходится, мужчины воюют. Как тут обойтись без грамоты и физических упражнений? Потому-то и учатся в гимнасии одни лишь мальчишки.

– А это правда, что атлетикой они занимаются там, ну... совсем голыми? – с сомнением в голосе спросил Плавт.

– Когда как. Когда гольшом, а когда в набедренной повязке, – ответил Тимон. – А как же ты будешь бороться, скажем, в хитоне? Или бегать в гиматии?

– Должно быть, ты прав, – согласился Плавт. – Но всё равно... я, наверное, не смог бы показаться голым на людях. А ты не знаешь, какими видами атлетики они там занимаются?

– Почему «не знаю»? Знаю. Бегом, прыжками в длину, кулачным боем, борьбой, метанием копья и диска, стрельбой из лука. Вот... пожалуй, и всё...

Осмотрев со всех сторон гимнасий, ребята возвратились на площадь Агоры.

– Что дальше? – спросил Плавт.

– Думаю, тебе следовало бы ещё увидеть театр, – ответил Тимон.

– Да! Обязательно театр! – встрепенулся Плавт. – Я столько слышал о театре, но смутно представляю, что это такое...

– Значит, идём к театру.

Оказалось, что театр находился совсем рядом с Агорой, только оттуда он не был виден. Но достаточно было миновать восточный торговый ряд, свернуть в конце его вправо и пройти оргий⁸¹ десять, как перед ребятами открылась совсем другая картина. Они стояли на краю вершины высокого, спускающегося до лимана холма, весь пологий склон которого был застроен жилыми домами. И рядом, почти у самих их ног лежал, как на ладони, театр. Не стоял, как того ожидал Плавт, надеявшийся увидеть что-то вроде дворца или стои, а именно лежал, поскольку был похож на большую неглубокую чашу, вдавленную в склон холма.

Чаша делилась как бы на две почти равные части. Нижнюю, несколько большую, его занимала орхестра – ровная площадка с небольшим алтарём Диониса в центре.

– На орхестре, – объяснил Тимон, – находятся хор и флейтист. Они, когда надо, по сигналу корифея⁸² поют и играют. Помост, что за орхестрой, называется проскенионом. На нём актёры разыгрывают действие. Сзади помоста – сцене. Там актёры, если надо, переодеваются и меняют маски.

Сцене изображала фасад дворца с поддерживаемыми колоннами фронтоном посередине и несколькими дверями.

– А это театрон⁸³, – Тимон показал на верхнюю половину чаши, которая множеством полукруглых скамеек-ступеней поднималась вверх по склону холма. – Здесь...

– Я уже догадался! – перебил Тимона Плавт. – Здесь сидят зрители. Ведь так?

– Конечно, зрители. Кто же ещё?

– Интересно знать, сколько их может тут уместиться?

– Много. В прошлом году я был здесь с дядюшкой Фокритом и тётушкой Мелиссой. Народу набилось пропасть! Так дядюшка Фокрит говорил, что зрителей собралось не меньше пяти тысяч.

– Так ты уже был в театре и всё видел? – оживился Плавт. – Расскажи!

– Ну-у... театр... Это когда актёры изображают перед зрителями какое-нибудь интересное событие или занимательный случай из жизни какого-нибудь бога или героя. Причём разговаривают только стихами. И что удивительно: все актёры – мужчины. Даже женские роли – и те исполняют мужчины.

– И тут женщин зажимают, – неодобрительно заметил Плавт.

---

⁸¹ Оргия – мера длины, равная 1 м 85 см.

⁸² Корифей – руководитель хора в древнегреческом театре.

⁸³ Театрон (от слова «теаомай» – смотрю, гляжу), отсюда «театр».

– И у всех актёров на лицах маски, – продолжал Тимон. – Если актёр играет серьёзную или трагическую роль, то и маска на нём серьёзная, строгая, а если роль смешная, комическая, то и маска, соответственно, смешная, а то и смеющаяся.

– Как интересно! – воскликнул Плавт и, вздохнув, поникнувшим голосом добавил: – Когда же я увижу театр?

– Увидишь! – заверил его Тимон. – Обязательно увидишь! Упроси отца приехать в Ольвию на Великие Дионисии – и увидишь.

– А платить за это надо?

– Нет, не надо. Я же говорил, что все расходы по организации театральных представлений берёт на себя кто-нибудь из зажиточных горожан, которого называют хорега. Например, в позапрошлом году хорегом был дядюшка Фокрит.

– Что бы там ни говорил отец, а всё-таки хорошо жить в городе! – мечтательно произнёс Плавт.

– Конечно, хорошо, – согласился Тимон. – Но давай-ка сойдём вниз. Покажу тебе одну интересную штуку.

Мальчишки по высеченным в склоне холма ступенькам спустились в театр.

– Сядь хотя бы вот здесь, – показал Тимон на один из верхних ярусов скамеек, – а я пройду к сцене и позову тебя оттуда, вначале тихонько, затем громко. Ты же слушай внимательно.

– А что будет? – поинтересовался Плавт.

– Увидишь, – коротко ответил его провожатый. – Точнее, услышишь.

Плавт остался наверху, а Тимон сошёл вниз, поднялся по ступеньками на проскенион и тихо, почти шёпотом вымолвил:

– Плавт, ты слышишь меня?

– Слышу! – обрадованно воскликнул Плавт. – Можно подумать, что ты прошептал мне на ухо!

Тимон немножко помедлил и вдруг крикнул что было мочи:

– Плавт!!!

Плавт вздрогнул и испуганно осмотрелся. Потом взглянул на проскенион – Тимон стоял на прежнем месте.

– Как ты это делаешь? – придя в себя, спросил Плавт. – Мне показалось, что ты крикнул совсем рядом.

– Ничего я не делал. Ты наклонись и посмотри под скамьи. Видишь вмурованные под ними горшки и кувшины? Это они так усиливают звук. А сделано это для того, чтобы и на задних рядах хорошо было слышно актёров, хор и флейтиста.

– Чудеса-а! – восхищённо воскликнул Плавт. – Побудь ещё там. Я спущусь к тебе. Тоже хочу крикнуть.

Вдоволь накричавшись и нашептавшись, мальчишки оставили театр и поднялись назад на вершину холма.

– Что дальше? – взглянул на Тимона Плавт.

– Дальше? – Тимон почесал затылок. – Дальше... Тут неподалёку есть небольшой рынок. Купим там чего-нибудь сладкого, подкрепимся, а потом я покажу тебе ещё одно интересное местечко. Согласен?

Свернув в небольшой проулок, затем ещё в один, мальчишки попали на крохотный рынок, где торговали исключительно съестными продуктами. Там они быстро отыскали лавку со сладостями и купили по две небольшие и, как уверял торговец, сладкие лепёшки. Тут же, отойдя в сторонку, ребята принялись за их уничтожение. Лепёшки, начинённые маком, изюмом и ещё чем-то непонятным, но очень сладким, действительно оказались необыкновенно

вкусными. А потому ели их мальчишки медленно, не спеша, как можно дольше растягивая удовольствие. Затем они выпили по килику⁸⁴ подслащённой воды.

– И что же у нас осталось? – достав из кармана, пришитого изнутри хламиды, деньги, сказал Тимон. – Осталось ещё на четыре сладкие лепёшки. Что будем делать?

– Знаешь что, Тимон... – замялся Плавт. – Я хотел бы привезти что-нибудь матери.

– Хорошее предложение! – поддержал Плавта Тимон. – А я отнесу две лепёшки тётушке Мелиссе.

– Вот и отлично! – обрадовался Плавт.

Вернувшись к лавке с лакомствами, они купили ещё по две лепёшки, которые, по их просьбе, торговец завернул в чистые полотняные тряпицы.

Попетляв по проулкам, мальчишки снова оказались на краю холма, но уже совсем в другом месте.

– Взгляни-ка сюда! – предложил Плавту Тимон и широким жестом показал в сторону востока. Плавт посмотрел, куда указывал Тимон, и восхищённо ахнул. Там вдали, отражая голубизну неба, во всю свою ширь расстилался Гипанисский лиман. На далёком противоположном берегу лимана синела полоска леса.

– А внизу – это Ольвийский порт, – сказал Тимон. – Летом тут тесно от кораблей. Но сейчас навигация в Элладе только начинается, и потому у причалов всего два корабля.

Издали и порт, и корабли казались маленькими, игрушечными.

– А вообще, к нам заходят корабли со всего света, – продолжал Тимон, – из Пантикапея и Фанагории⁸⁵, Синопы⁸⁶ и Гераклеи⁸⁷, Милета⁸⁸ и Афин. Случается, из Финикии⁸⁹ приплывают.

– А где она, эта Финикия? – полюбопытствовал Плавт.

– Не знаю, – пожал плечами Тимон. – Говорят, очень далеко. Подальше самой Эллады.

– Ничего себе! А что это за дома там, на берегу?

– Это припортовые склады, где ольвийские купцы хранят свои товары. Там же мастерские, которые занимаются ремонтом кораблей. А вон то большое строение слева с серой крышей – видишь? – это склад дядюшки Фокрита. Он свозит туда со всей хоры⁹⁰ зерно, кожи, воск, мёд, а оттуда всё это забирают у него купцы, которые приплывают из Эллады. Он даже у скифов кое-что для них покупает...

– Я знаю, – сказал Плавт. – Мне отец, пока мы ехали сюда, рассказывал немного о дядюшке Фокрите.

– Ну вот, – сказал Тимон, – самое интересное в Ольвии ты увидел. Будет о чём рассказывать дома. Пора возвращаться.

– Ой! Смотри! – встрепнулся вдруг Плавт. – Что это там внизу?

Вдали, справа, со стороны Понта Эвксинского, стремительно нёсся по лиману с убранным парусом узкий и длинный, похожий на хищную щуку с поднятым кверху хвостом, корабль. Его двадцать пар вёсел опускались и поднимались с удивительной слаженностью. Можно было подумать, что всеми ими двигает какой-то один таинственный механизм.

– Это та самая унирема, которую построил для Ольвии Спифон. Тот, чей бюст мы видели в Теменосе, – напомнил Тимон.

⁸⁴ Килик – сосуд для питья.

⁸⁵ Фанагория – город на территории нынешнего Таманского полуострова.

⁸⁶ Синопа – греческая колония на южном побережье Понта Эвксинского.

⁸⁷ Гераклея – город на южном побережье Понта Эвксинского.

⁸⁸ Милет – древнегреческий город на юго-западном побережье Малой Азии.

⁸⁹ Финикия – древнее государство на восточном побережье Средиземного моря.

⁹⁰ Хора – окружающие город сельскохозяйственные угодья.

* * *

Началось лето, навигация в Элладе и её колониях была в разгаре, и в порту Ольвии, как всегда в эту пору, былолюдно и шумно. Теперь каждый день там кипела с утра до вечера работа.

У длинного берегового причала стояли три корабля. Корабли пришли издалека, два из Аттики, один из Милета.

С первого, нос которого украшала устрашающего вида голова какого-то морского чудовища, несколько рабов сносили по сходням на берег большие порожние амфоры и перетаскивали их в один из складов. Руководил разгрузкой надсмотрщик с длинной плетью и зычным голосом. Этот голос был слышен во всех уголках порта.

Тут же, неподалёку, сбившись в тесную кучку, топтались с обречённым видом десятка два высоких светловолосых мужчин. Вся одежда на них состояла из рваных набедренных повязок. Некоторые и вовсе были голыми. Это были пленники, которых скифы пригнали в Ольвию для продажи в рабство. Пленники молчали и лишь угрюмо озирались по сторонам.

Вокруг пленников деловито похаживали два поджарых грека с торчащими вперёд чёрными бородами. У них под ногами вертелся старый низенький скиф, одетый, несмотря на жару, в кожаные штаны и безрукавку. На его голове красовалась грязная островерхая войлочная шапочка. Греки придирчиво осматривали со всех сторон пленников, щупали их мышцы, животы и даже открывали некоторым рты. Скиф же суетился, заискивающе заглядывал грекам в глаза и каркающим голосом нахваливал свой товар. Тут же сидели на земле несколько скифов помоложе со свисавшими с поясов короткими кривыми мечами. Все они тоже были одеты в кожаные штаны и войлочные шапки.

Пленников продавали по одному, поштучно. Если сделка состоялась, старый скиф тыкал в проданного пленника пальцем, что-то выкрикивал, вскакивали два молодых скифа, хватали несчастного за руки и волокли на корабль. Там его принимали греки, надевали ему на ноги колодки и отправляли в трюм.

Когда торг подходил к концу, один из пленников, едва оказавшись на корабле, неожиданно для всех вскочил на борт и, что-то выкрикнув, бросился в воду. Опешившие греки суетливо забегали по кораблю, подняли крик, но спасти бедолагу не стали. По всему было видно, что никто из греческих моряков не умел плавать. Скифы – тем более.

Тотчас между греками и скифами разгорелся спор. Греки требовали вернуть им уплаченные за утопленника деньги, скифы стояли на том, что пленника они препроводили на корабль целым и невредимым, а всё дальнейшее их не касается. В конце концов, скифам пришлось все же пойти на попятную, а то греки отказывались покупать оставшихся шестерых пленников. После этого торг продолжился дальше.

На третьем корабле слышался стук топоров и молотков да повизгивание пилы. Там обнаружались какие-то неполадки, и команда общими усилиями спешно устраняла их перед выходом в море.

Ещё один корабль, дожидаясь своей очереди стать у причала, покачивался на мелкой зыби несколько поодаль от берега.

По всему порту, будто в потревоженном муравейнике, сновали и копошились люди. Кто-то чинил прохудившуюся за зиму крышу. Кто-то ладил рассохшуюся дверь склада. Одни прибирали и сжигали накопившийся мусор. Другие проверяли и очищали от грязи и пыли тару: пифосы и амфоры. Третьи разбирали сваленные кое-как при выгрузке с корабля амфоры с оливковым маслом и теперь не спеша сортировали их и расставляли аккуратными рядами.

В тот день Фокрит с Тимоном тоже были с утра в порту. Фокрит осмотрел складские помещения и проверил готовность тары к приёму нового урожая. Осмотром остался доволен, –

два раба, которые, можно сказать, тут дневали и ночевали, поддерживали на складе идеальный порядок и чистоту.

Несколько раз Фокрит выходил на берег лимана и озабоченно всматривался вдаль, в сторону Понта.

– Дядюшка Фокрит, кого ты там высматриваешь? – полюбопытствовал Тимон.

– Должен бы корабль из Афин прийти. А его всё нет и нет. Как бы чего не стряслось в пути...

В полдень, в который раз побывав на берегу, Фокрит вернулся повеселевшим.

– Слава Аполлону Дельфинию! Наконец он показался! Это «Гелиос». Я издали узнал его по нарисованному на парусе большому золотистому кругу⁹¹. Интересно бы знать, привёз он то, что я заказывал?

С этой минуты Фокрита ничего не интересовало, кроме приближавшегося судна. Когда «Гелиос» приткнулся к причалу, первым на его борт поднялся Фокрит. На берег он возвратился с рослым, костлявым, сурового вида мужчиной лет пятидесяти, горбоносим и рыжеволосым.

– Это Лемох. Важный афинский купец, – отведя Тимона в сторонку, шепнул ему на ухо Фокрит. – Сегодня он будет у нас гостить и ночевать. Словом, давай-ка, дружище Тимон, возвращайся домой и скажи тётушке Мелиссе, чтобы она приготовила там к вечеру всё, что надо. И можешь оставаться дома! – крикнул вдогонку Фокрит.

К возвращению Фокрита и его гостя Мелисса с рабынями успели приготовить замечательный, по скромным местным меркам, ужин: возбуждающую волчий аппетит острую с перцем чесночную похлёбку, запеченное на огне заячье мясо, нашпигованное всё тем же чесноком, тушёную, и снова же с чесночной приправой, рыбу с бобами, несколько соусов, свежие пшеничные лепёшки. Стояло, конечно, на столе и вино. И даже нескольких сортов, на любой вкус.

Ужинали, как обычно в такое время года, во дворе. Вечер выдался тихим, над головами зажигались, перемигиваясь, звёзды, дневная жара спадала, со стороны лимана потягивало приятной свежестью и прохладой. Потрескивая и рассыпая искры, двор освещали два факела.

– Я вижу, у вас тут, в Ольвии, в семьях полнейшая демократия, – заметил, усмехнувшись, Лемох и взглянул на сидевших за столом Мелиссу и Тимона. – У нас, в Афинах, такое крайне редко увидишь. Если вообще увидишь.

– Да и в Ольвии не так уж часто можно наблюдать подобное, – сказал Фокрит. – Я один из немногих, кто считает, что если демократия, то демократия должна быть повсюду: и на Агоре, и в семье. Впрочем, и на Агоре я не вижу настоящей демократии. Я имею в виду отсутствие там женщин. Женщина у нас, что, какое-то низшее существо? Или она глупее мужчины? Нисколько! Иные женщины намного умнее и хитрее многих мужчин. Есть такие и у вас, в Афинах. Слухи про Аспазию⁹² и до нас дошли.

– В твоих словах есть доля правды, – поразмыслив, сказал гость. – И даже большая, если хорошенько призадуматься. Но устои, которые складывались веками, вряд ли кому удастся изменить, как ни старайся. Тем более что такое положение дел очень многих устраивает. Имею в виду тех же мужчин.

– Тут тебе не возражишь, – вздохнув, согласился Фокрит. – Но хоть в своём доме, в своей семье я могу придерживаться своих принципов? Могу. Вот я и придерживаюсь их.

– Пожалуй, это единственное, что ты можешь себе позволить, дружище Фокрит.

---

⁹¹ Корабль у греков получал название по носовой статуе или по изображению на парусе. В данном случае золотистый круг на парусе символизирует бога Солнца Гелиоса.

⁹² Аспазия – жена Перикла.

Лемох, вопреки своей суровой, можно сказать, аскетической внешности – высокий, атлетически сложенный, с заметными залысинами на крупной голове и тонким горбатым носом, – оказался человеком общительным и рассказчиком незаурядным. Он охотно рассказал о последних афинских новостях, затем – о своём плавании в Ольвию и сопутствовавших ему приключениях, приукрашивая свой рассказ занимательными подробностями.

Вспомнив о разговоре с Софоном, в котором упоминался его брат Горгий, Фокрит спросил:

– Не мог бы ты, дружище Лемох, толком нам рассказать, что это за штука такая – Олимпийские игры? Может, ты слышал что-нибудь о них?

– Почему «слышал»? – удивился Лемох. – Я видел эти Игры. Клянусь Зевсом! Вот этими глазами! В позапрошлом году, на восемьдесят пятой Олимпиаде.

– Серьёзно? – не сразу поверил Фокрит.

– Неужели я похож на пустозвона?

– Тогда рассказывай! Мы от тебя не отстанем, пока не расскажешь обо всём, что ты там видел. Во-первых, как ты туда попал? При твоей-то занятости?

– А вот так и попал! – сверкнул задорной усмешкой гость, сделавшей его лицо на какое-то мгновение молодым. – Бросил к лешему все дела и подался с товарищем в Олимпию. Могу я, подумал, хоть на несколько дней забыть о выгоде, прибыли, деньгах и прожить эти дни в своё удовольствие? Могу! И пожил! И нисколько об этом не жалею. Наоборот – остался рад несказанно. То, что я увидел там за пять дней, забыть невозможно.

– Что же там было такого интересного? – полюбопытствовала Мелисса.

– Что интересного? – переспросил Лемох. – А разве не интересно то, что в одном месте я увидел людей со всей Эллады и едва ли не со всех её колоний? Где бы я смог увидеть столько народа? Самое малое тысяч пятьдесят собралось. И представьте себе: большинство из них добирались до Олимпии пешком. Некоторые, конечно, ехали на повозках или верхом на мулах и лошадях. Были и такие, которых рабы несли в лектиках⁹³. А как же! Мы вам не кто-нибудь! Мы – аристократы! – в голосе Лемоха слышалась едкая ирония. – Но я и мой товарищ, как настоящие мужчины, взяв с собой палатку и по одеялу, отправились в Олимпию своим ходом. То есть на своих двоих. Шли пять дней. Чтобы попасть в Олимпию, пришлось пересечь Беотию и Аркадию⁹⁴. Шли полями, часто лесами. И представьте себе, нас нигде никто даже пальцем не тронул. И не только нас – никого! А почему? Потому, что на время проведения Олимпиад по всей Элладе объявляется экехейрия – священное перемирие. И горе тому, кто посмеет его нарушить! Ведь все идущие или едущие на Игры в Олимпию считаются гостями Зевса. А уж что мы в Олимпии видели! – рассказывать придётся до полуночи...

Рассказывал Лемох увлекательно, можно сказать, вдохновенно. Слушать его было одно удовольствие. И его с удовольствием слушал Фокрит, и даже Мелисса. А Тимон, так тот настолько был увлечён рассказом заморского гостя, что слушал его с раскрытым ртом, боясь пропустить хоть одно слово...

* * *

Отметка финиша, до которой, словно на крыльях, летит Тимон, стремительно приближается. Последнее усилие, и под взрыв возбуждённых выкриков многих тысяч зрителей, которыми усеяны склоны олимпийского стадиума, он касается рукой стоящего в конце беговой дорожки столба. Сделав по инерции еще несколько шагов, переводит дыхание и озирается

---

⁹³ Лектика – носилки, на которых носили людей.

⁹⁴ Древнегреческие государства-полисы.

назад. Его соперники далеко позади. А это значит, что он победил и стал олимпиоником! От напряжения, возбуждения и радости его сердце, кажется, вот-вот выскочит из груди.

Но что это? Тимон не успеваешь и глазом моргнуть, как неизвестно откуда перед ним возникает могучий красавец, окутанный с ног до головы каким-то удивительно мерцающим голубым сиянием.

– Смотрите! Смотрите! Это же Ахилл! Вот так чудо! На Игры пожаловал сам непобедимый Ахилл! Ахиллу сла-ава-а-а! – гремит над стадионом Олимпии.

И пока Тимон приходит в себя и пытается понять, что бы это значило, Ахилл, взяв его за руку, подводит к элланодикам, берёт у них оливковый венок и под одобрительные возгласы зрителей возлагает его на голову Тимона.

– Слава новому олимпионику! – подняв кверху руку Тимона, зычно выкрикивает Ахилл.

– Слава-а-а! – несётся отовсюду в ответ.

Грудь Тимона распирает от счастья. Кажется, что какая-то неведомая сила отрывает его от земли и возносит вверх к поднебесью.

И вдруг среди этого волнующего действия откуда-то издалека до его слуха доносится знакомый голос:

– Тимон, дружище... Пора вставать!

Кто-то берёт его за плечо и легонько, но настойчиво тормозит. В тот же миг, будто растаяв в воздухе, исчезает Ахилл. За ним исчезают элланодики, бегуны, зрители, стадиум...

– Дядюшка Фокрит! – голосом, полным отчаяния, простонал Тимон. – Такой сон прервал...

– Вставай, малыш! – Фокрит был неумолим. – Нас ждёт работа. А сон ещё не один приснится. И получше этого.

– Такого сна больше никогда не будет, – пробормотал расстроенный Тимон и неохотно сполз с кровати. Однако глаз не открывал: старался получше запомнить увиденное.

– По дороге расскажешь свой сон. А теперь иди умывайся, позавтракаем и в дорогу.

– Вот теперь рассказывай, что там тебе наснилось, – напомнил Фокрит, когда они, провожаемые тётушкой Мелиссой, вышли со двора.

– Не знаю, как и начать... И сумею ли я рассказать это словами... – замялся Тимон. – Это такой сон... такой... Ну, просто удивительный.

И Тимон, то и дело сбиваясь от волнения, рассказал увиденный утром сон.

– Знал бы, что тебе такое снится, ни за что не стал бы будить, – выслушав Тимона, виновато произнёс Фокрит. – Бывает... Не обессудь.

– Да я что... Я ничего... Дядюшка Фокрит, я теперь только и думаю о рассказе Лемоха. Не знаю, хорошо ли это или плохо, но самая сокровенная теперь моя мечта – это попасть на Игры в Олимпию и стать олимпиоником. Я почему-то уверен, что непременно стал бы им. Ты можешь себе представить такое? Ведь Ольвия никогда ещё не имела своих олимпиоников. Я был бы первым...

– Мечта, конечно, заманчивая, – задумчиво протянул Фокрит. – Но ты помнишь, что говорил Софон? А Софон знает, что говорит, – его брат был известным атлетом. Чтобы настоящему хорошо бегать, говорил Софон, надо много тренироваться. Тренироваться, разумеется, под руководством знающего человека. А это значит что? Это значит, что нам с тобой придётся всё-таки сходить в гимнасий. Кто, кроме них, сможет тебе помочь? Никто. А вдруг возьмут и примут? Завтра же и ходим...

* * *

Гимнасиарх, пожилой величественный старик с венчиком белых пушистых волос вокруг лысой, как шар, головы, встретился Фокриту и Тимону при входе в гимнасий.

– Высокочитимый гимнасиарх! – соблюдая принятые в Ольвии нормы общения с высокопоставленными персонами, начал Фокрит. – Мой раб Тимон – уникальный мальчишка. Он бежит быстрее... даже не знаю, с кем его сравнить. У него редкие способности к бегу. Но я знаю, что для того, чтобы стать настоящим бегуном, а тем более – олимпиоником, этого недостаточно. Нужны регулярные занятия под руководством знающего учителя...

– Так ты, почтенный Фокрит, считаешь, что твой раб должен непременно стать олимпиоником? – в голосе гимнасиарха слышался нескрываемый сарказм. – А знаешь ли ты, уважаемый Фокрит, что Ольвия никогда ещё не имела победителя атлетических Игр в Олимпии? А кроме того, должен поставить тебя в известность, что рабы к участию в Олимпийских играх не допускаются. Так же, как и в гимнасии. Развращение рабов добром обычно не кончается.

Давая понять, что разговор окончен, гимнасиарх величественно кивнул головой и повернулся к двери.

Задетый за живое Фокрит, забыв о правилах общения с высокопоставленными персонами, бросил ему в спину:

– Ничего удивительного, что Ольвия не имела своих олимпиоников! При таких-то гимнасиархах...

Старик сделал вид, что не расслышал слов Фокрита, и, не меняя надменного выражения на лице, скрылся за дверью гимнасия.

– Старый напыщенный индюк! – не мог унять раздосадованный Фокрит. – Идём, сынок, отсюда!

У выхода из двора гимнасия Фокрита и Тимона догнал мужчина в тонком голубом хитоне – пожилой, худощавый, мускулистый, с красивой проседью в густых и чёрных, как смоль, волосах.

– Бегун? – вместо приветствия ткнул он пальцем в живот Тимона.

– Бегун. А что? – растерянно хлопал глазами мальчишка. – Откуда ты знаешь?

– Мне бы не знать! – хмыкнул мужчина. – Настоящего бегуна я за десять стадий узнаю. Я ведь сам когда-то бегал. И даже неплохо бегал, доложу я вам. Принимал участие в двух Олимпиадах. А что уж бегунов перевидал на своём веку... Как-нибудь расскажу об этом. Меня зовут Феокл. Хотя моё имя мало что вам скажет. Я ведь не так давно в Ольвии. Да и не в имени дело. Насколько я понял, этот «старый напыщенный индюк», – Феокл стрельнул в Фокрита иронично прищуренным глазом, – не захотел принять в гимнасий этого замечательного мальчишку? – Не дожидаясь ответа, Феокл продолжал: – Ну, и пусть его! Как знать, может, это и к лучшему. Я согласен заниматься с твоим пареньком, – повернулся он к Фокриту. – Меня меньше всего интересует: раб он или свободный. Для меня важно, как он бежит. А бегать этот парнишка должен лучше всех. У него идеальное для бегуна сложение: длинные сухие ноги, узкие бёдра, поджарый... Да и всё прочее у него в норме. Словом, так. Заниматься будем три дня в декаду. То есть через два дня на третий. Завтра же и начнём. Заниматься будем под вечер, когда начинает спадать жара, а я буду свободен от работы. Место занятий – берег лимана, пустырь правее порта. Идёт?

– Сколько это будет стоить? – поинтересовался Фокрит.

– Ничего! Я лишь хочу, чтобы когда-нибудь и Ольвия имела своего олимпионика. Чем мы хуже других полисов? – Подумав, Феокл добавил: – Хотя... если хоть раз в месяц ты дашь мне асс⁹⁵-другой, я не откажусь, я негордый. В гимнасии с вас сдирали бы в десять раз больше.

– Договорились! – в знак согласия Фокрит пожал руку Феокла. – Надеюсь, что мы ещё покажем этим «индюкам», как надо бегать?

– Иначе я за это дело не брался бы, – ответил Феокл.

⁹⁵ Асс – ольвийская денежная единица.

* * *

Едва Тимон вернулся с первой своей тренировки с Феоклом, как Фокрит тут же напустился на него с расспросами:

– Ну, рассказывай! Как педотриб⁹⁶? Что за человек? Чем занимались? Ты бегал? Что он говорил?

– К чему такая спешка? – вступилась за Тимона Мелисса. – Пусть мальчик поест сперва.

Тимону и самому не терпелось поделиться с Фокритом впечатлениями от первой в его жизни настоящей тренировки, а потому свой ужин он проглотил в мгновение ока и принялся рассказывать:

– По всему видно, что Феокл человек замечательный: умный, приятный, деликатный. И педотриб он толковый, в беге разбирается, я думаю, получше всяких там гимнасиархов. Сказал, что с техникой бега у меня более-менее. Хотя тоже недочёты есть, которые придётся исправлять. А вот с физической подготовкой неважно. Даже очень. Плохо развиты на ногах мышцы, и потому я отталкиваюсь от земли не в полную силу, слабовато. Показал, какие надо делать упражнения, чтобы укрепить ноги. Ну-у... всякие там приседания с тяжестями. И всё такое... Причём делать эти упражнения надо каждый день. Дома – тоже. Ещё очень полезен бег на месте. Для выносливости... Побегал по прибрежному песку. Это тоже полезно для укрепления ног и выносливости. Да! Ещё Феокл сказал, что беговые дорожки на стадиуме в Олимпии посыпаны песком. Чтобы труднее было бежать. Значит, по песчаному берегу очень полезно бегать. Интересно бы знать, посыпают ли песком дорожки на нашем стадиуме, в Ольвии?

– Наверное, посыпают, – сказал Фокрит. – Если в Олимпии посыпают, то и у нас должны быть посыпаны.

– А ещё Феокл сказал, что к предстоящим Олимпийским играм, то есть за год с небольшим, сделает из меня настоящего бегуна, олимпийщика, – не удержался, чтобы не похвастаться, Тимон.

– Я рад, что ты попал в хорошие руки, – отозвался Фокрит. – Старайся. Не подведи.

– Да я-то стараюсь, только какой из этого прок? – помрачнел вдруг Тимон. – Старайся не старайся, а к Играм в Олимпии раба всё равно не допустят...

– Не спеши с выводами, – отозвался Фокрит и, ободряюще похлопав мальчишку по плечу, добавил: – У нас впереди ещё больше года. За это время всякое может случиться.

При этих словах Фокрит и Мелисса обменялись быстрыми многозначительными взглядами, но Тимон ничего этого не заметил.

* * *

Придя после очередной тренировки домой, Тимон еще с порога сообщил:

– А ты знаешь, дядюшка Фокрит, что мне сказал сегодня мой педотриб Феокл?

– Не знаю, – пожал плечами Фокрит. – Но если скажешь, буду знать.

– Он сказал, что через три дня на городском стадиуме будут проводиться Ахиллии – атлетические состязания учеников гимнасии на честь Ахилла Понтарха. Феокл сказал, что возьмёт меня с собой на стадиум и попробует добиться, чтобы и мне позволили принять участие в соревнованиях бегунов. А ещё сказал, что было бы хорошо, если бы и ты с тётушкой Мелиссой пришёл на стадиум посмотреть соревнования.

---

⁹⁶ Педотриб – спортивный тренер.

– Раз такое дело – придётся пойти. А вдруг и в самом деле тебе позволят принять участие в состязаниях по бегу? Это было бы здорово! – оживился Фокрит.

– Снова вы за своё! – вмешалась в разговор Мелисса. – Фокрит, ты всё-таки дал бы мальчику сперва покушать. Ведь он устал после тренировки. Тимон, ты тоже...

– Я вижу, что скоро в этом доме мужчины и рта не посмеют открыть! – шутливо возмутился Фокрит, обняв жену за плечи. – Может, и правду говорят, что демократия – вещь вредная? Ну, да ладно. Кушай, Тимон. Потом поговорим...

Был первый день второй декады месяца мегатейтниона⁹⁷. Солнце только ещё перевалило за полдень, а склон холма над стадиумом Ольвии уже был заполнен до отказа разношёрстной шумной публикой. Сидели, на чём ни попадая: кто на одеяле, кто на циновке, а кто-то просто на сухой, успевшей уже пожелтеть траве. Предстояли традиционные атлетические состязания учеников местного гимнасия, которые по давней традиции посвящались Ахиллу Понтарху, и никому не хотелось пропустить столь редкое и замечательное зрелище. Впереди, на уложенных в ряд отёсанных блоках песчаника, которые служили сиденьями, восседало, как обычно, городское начальство во главе с самим архонтом-басилевсом Гиппархом Филотидосом – суровым с виду мужчиной лет пятидесяти с горбатым орлиным носом на сухощавом бледном лице. Рядом с ним, в качестве главного виновника торжества и его организатора, важно восседал гимнасиарх Сириск. Фокрит, Феокл и Тимон пришли пораньше и потому устроились сзади начальства на разостланном на траве покрывале. Мелисса, сославшись на занятость, идти на стадиум отказалась.

Пониже, на площадках для состязаний толпилось десятков пять юношей – учеников гимнасия, принимавших участие в состязаниях. Среди них, давая последние наставления, суетились педотрибы. Они волновались больше всех: сегодня граждане Ольвии увидят наконец, чему они научили за год своих питомцев.

Открывал состязания гимнасиарх. Встав, он произнёс торжественную речь. В ней он дал высокую оценку руководимому им гимнасию, не забыв вспомнить и о личных заслугах на nive образования, назвал самых достойных учеников, расхваливая при этом не столько их достоинства, сколько достоинства добродетельных родителей, если эти родители, конечно, принадлежали к городской знати. После несколько затянувшейся речи гимнасиарх объявил о начале состязаний.

Первыми показывали своё мастерство юные кулачные бойцы. Зрители шумно приветствовали каждый удачный удар и уклон. Большей частью потому, что было их не так уж и много, этих удачных ударов и уклонов. И если юные бойцы особым техническим мастерством не блистали, то в азарте и желании во что бы то не стало победить никому из них отказать было нельзя: почти каждый из кулачников уходил с помоста с расквашенным носом.

После кулачных бойцов вниманием зрителей завладели стрелки из лука. Вначале они стреляли в цель, затем – на дальность. Здесь отличился сын кузнеца Эвдама, прихрамывавший на левую ногу невысокий крепыш Леокс. Выпущенная им стрела пролетела больше полутора стадия, вызвав среди зрителей настоящий восторг.

Затем наступила очередь бегунов на один стадий. Вот здесь-то и произошло нечто, из ряда вон выходящее: среди зрителей поднялся мужчина в голубом хитоне – это был Феокл – и громко, так, чтобы его было слышно всему стадиуму, сказал:

– Почтенный гимнасиарх! Позволь моему ученику Тимону принять участие в состязаниях твоих бегунов!

Слова Феокла заставили оглянуться не только гимнасиарха, но и всех сидевших в первом ряду.

---

⁹⁷ Мегатейтнион – второй месяц года по милетскому календарю.

– Я такого атлета не знаю! – высокомерно изрёк гимнасиарх, вовремя вспомнив о недавнем своём разговоре относительно этого Тимона с Фокритом. – О ком ты, достославный Феокл, говоришь?

– Я говорю о Тимоне, юном рабе купца Фокрита, лучшем бегуне в Ольвии! – едва сдерживаясь, чтобы не надерзить гимнасиарху, ответил Феокл.

– Неужели ты не знаешь, дорогой Феокл, что здесь состязаются свободные граждане Ольвии, а не какие-то рабы? – не меняя высокомерного тона, произнёс гимнасиарх.

– А я, грешным делом, подумал, что здесь состязаются атлеты, – съязвил Феокл. – Но, выходит, ошибся! Похоже на то, что ты боишься, как бы твои свободные граждане, а заодно и ты с ними не оконфузились перед каким-то рабом.

Неизвестно, чем бы закончилась эта перепалка, если бы не вмешался архонт-басилевс.

– Сириск, – сказал он, обращаясь к гимнасиарху, – позволь ты этому мальчишке пробежать. Будем хоть знать, кем нас тут пугают.

– Хорошо, – не посмеяв ослушаться архонта, неохотно согласился гимнасиарх. – Но сделаем так: сначала ученики гимнасия определяют сильнейшего между собой, а уж потом победитель покажет, как надо бегать, этому рабу. – В слово «рабу» гимнасиарх вложил всё своё презрение ко всем рабам на свете.

После трёх забегов – двух полуфиналов и финала – выявился победитель. Им без особых усилий стал лучший бегун гимнасия Матрий – высокий долговязый юноша лет шестнадцати, сын известного в городе торговца рабами Эвклеса.

– Матрий! – обратился к нему гимнасиарх. – Ты согласен вступить в состязание с Тимонем, рабом купца Фокрита?

– Если надо... – небрежно пожал плечами Матрий.

– На старт вызываются Матрий, сын Эвклеса, и Тимон... ученик Феокла! – объявил судья.

– И Тимон – раб Фокрита! – поправил судью гимнасиарх.

Матрий к месту старта подошёл не спеша, вразвалочку, всем своим видом показывая, что делает он это только из уважения к архонту и гимнасиарху. Он свысока – в переносном и прямом смысле, поскольку был чуть ли не на голову выше Тимона – посмотрел на соперника, пренебрежительно хмыкнул и демонстративно передёрнул плечами: что, мол, поделаешь, приходится и с таким бежать.

Судья поставил бегунов на одной линии, сказал привычное: «Пусть победит сильнейший!» и взмахнул рукой.

Пока чемпион гимнасия всё ещё продолжал демонстрировать своё пренебрежение к сопернику, Тимон, взяв хороший старт, со всей резвостью, на какую только был способен, рванулся вперёд. Когда чемпион гимнасия опомнился, раб уже опережал его на добрых две оргии. Матрий бросился вдогонку, но расстояние между ним и Тимоном не сокращалось, а, наоборот, неумолимо увеличивалось, и когда Тимон коснулся рукой финишного столба, Матрию ещё предстояло пробежать не меньше пяти оргий.

Стадиум замер в растерянности. Зрители, привыкшие к постоянным победам Матрия, не были готовы к такому исходу забега, а потому не знали, как на него реагировать.

– Молодчина, Тимон! – не дожидаясь, когда сформируется общественное мнение, выкрикнул Феокл. – Не подвёл меня!

И тут же послышался голос Фокрита:

– Сынок, я горжусь тобой! Ты пролетел этот стадиум, как Авр!

Феокла и Фокрита поддержала большая часть зрителей, выкрикивая:

– Слава Тимону! Тимон – лучший бегун Ольвии! Молодец, Тимон! Ты настоящий Авр! Матрий, учись, как надо бегать!

Расстроенный гимнасиарх, не проронив и слова, встал и, вздрагивая от негодования, демонстративно удалился со стадиума. Зато не собирался молчать отец Матрия, известный

в Ольвии работороговец Эвклес – высокий костлявый мужчина с заметной плешью на голове, похожей на тыкву.

– Я протестую! – крикнул он. – Этот забег нельзя считать законным! Мой сын перед этим уже дважды бегал – в полуфинале и финале – и был уставшим. А этот раб не бегал и был полон сил. Это против всяких правил! Результат этого забега надо аннулировать. Я требую!

Часть зрителей встала на сторону Эвклеса. Между зрителями завязались перепалки. Поднялся шум, готовый перерасти в потасовки. Тогда со своего места поднялся архонт-басилевс.

– Поскольку наш почтенный гимнасиарх удалился, никому не передав свои полномочия, эти полномочия я беру на себя, – огласил он. – Уважаемые граждане Ольвии! Все мы видели, что в забеге с участием Матрия и Тимона с большим преимуществом победил раб Тимон. И мы не можем отрицать этот факт. Раз победил раб Тимон – значит, победил раб Тимон. Двух мнений тут быть не может. Пусть кому-то это и не нравится. Поэтому лучшим атлетом-бегуном Ольвии среди эфэбов я провозглашаю Тимона, раба Фокрита. Слава Тимону-Авру! А тебе, Эвклес, скажу вот что: твоему сыну следовало бы серьёзнее отнестись к этому забегу, и тогда, возможно, всё было бы иначе. И потом... его ведь никто не принуждал состязаться с Тимоном. И достаточно об этом... Продолжим состязания. Приготовиться прыгунам в длину!

* * *

Было ясное летнее утро. Далеко за лиманом засиял, проснувшись, Лучезарный Гелиос⁹⁸ и тут же, не мешкая и минуты, отправился в своё привычное путешествие по небосводу на животворной огненной колеснице. Его появление было встречено радостным птичьим щебетанием в садах Ольвии и многоголосым петушиным пением в её предместьях. Город просыпался...

– Малыш, ты бы хотел увидеть Плавта? – спросил Тимона Фокрит, окатившись холодной водой из кувшина и растираясь жёстким полотенцем.

– Ты ещё спрашиваешь? – отозвался Тимон, который, по примеру хозяина, также растирался после холодной купели полотенцем. – Конечно, хочу!

– Значит, сразу после полудня отправишься к Софону. Начинается сбор урожая. Расспросишь, как у него дела. Сколько он рассчитывает собрать пшеницы. Узнаешь также, что он ещё заготовил для меня. Поинтересуйся, как дела у соседей.

– Я пойду один?

– Придётся. У меня срочные дела в порту.

– Пешком?

– А то как же? Конечно, пешком! И можешь даже босиком.

– А не лучше бы нанять ему повозку? – вмешалась в разговор Мелисса. – Не такие уж большие деньги. Зачем мальчика мучить?

Фокрит привлёк к себе Тимона.

– Тимон, ты мужчина или?..

– Конечно, мужчина! И какие-то тридцать стадий – для меня суший пустяк! – ответил, не задумываясь, Тимон.

– Ты слышала, Мелисса?

– Да уж, слышала... – недовольно проворчала жена.

Когда Гелиос достиг зенита, из Северных ворот Ольвии вышли Фокрит и Тимон. Тимон нёс в своей полотняной сумочке бомбилиос с водой и две сладкие лепёшки Плавту. Точно такие, как те, что они смаковали весной.

Позади Фокрита и Тимона, на плато огромного холма лежала, укрывшись за толстыми, высокими оборонительными стенами и внушительного вида квадратными башнями, Ольвия.

---

⁹⁸ Гелиос – бог Солнца.

Впереди, под холмом, рябил множеством чёрных могильных ям вперемежку с белыми и жёлтыми стелами⁹⁹ некрополь¹⁰⁰. Дальше, сколько мог видеть глаз, простиралась высушенная солнцем холмистая степь, на которой кое-где рос редкий кустарник, торчали, будто свечи, стройные тополя да виднелись местами похожие на зелёные оазисы крестьянские усадьбы.

Фокрит рассказал Тимону, как идти до усадьбы Софона, и даже показал саму усадьбу, которую с высоты холма можно было различить на краю горизонта.

– Далековато всё-таки, – с сомнением покачал головой Фокрит. – Может, вернёшься?

– Ещё чего! – обиделся Тимон. – Раз надо, значит, надо. Так я пошёл?

– Валяй! – подтолкнул Тимона Фокрит. – К вечеру постарайся вернуться. А то тётушка Мелисса переживать будет. Счастливо!

Спустившись с холма и миновав некрополь, Тимон ступил на хорошо укатанную дорогу и споро зашагал в сторону усадьбы Софона.

Когда было пройдено стадиев тринадцать, Тимон обернулся, чтобы увидеть, как выглядит издали Ольвия. Обернулся и ахнул: над жёлтыми стенами города, закрыв полнеба, клубились, полыхая ослепительными молниями, чёрно-пепельные тучи.

– Ого! – воскликнул Тимон. – И откуда она только взялась, такая туча? Давай-ка, братец Тимон, прибавь ходу, – заторопил сам себя мальчишка. – Вон там вдаль, между теми кустами слева должна быть пещера. Может, успеешь спрятаться...

Когда запыхавшийся Тимон добежал до кустов, туча, закрыв полнеба, уже ворочалась над его головой. Заметно потемнело, и даже потянуло холодом. По полусухим листьям боярышника и тёрна застучали первые, пока ещё редкие, капли дождя.

– Успел! – облегчённо выдохнул Тимон. – Можно считать, что мне повезло.

«А я ведь тут не одни. Вон чьи-то две лошади привязаны под дикой шелковицей. Значит, кто-то здесь уже прячется, – подумал Тимон. И вдруг забеспокоился: – Постой, постой! Что-то тут неладно. Судя по сбруе, одна лошадь скифская, другая – наша, местная. Чтобы это могло значить? Во всяком случае, надо быть осторожным. От этих скифов всего можно ожидать. И неплохо было бы узнать, что они тут могут делать...»

Пригибаясь к земле, а где и ползком, не обращая внимания на обрушившийся на спину дождь, Тимон стал медленно пробираться среди высокой, враз намокшей травы ко входу в пещеру. Пещера была большая и тёмная. Проникнув внутрь её, Тимон замер и прислушался. Из глубины пещеры доносились голоса. Разговаривали двое мужчин.

«Подозрительно всё это, – подумалось Тимону. – Хорошие люди не станут встречаться для дружеской беседы вдаль от города, да ещё в пещере. Подберусь-ка я поближе».

Благодаря тому, что в пещере было темно, почти как ночью, а снаружи шумел дождь и слышались частые раскаты грома, Тимону удалось подползти к разговаривавшим настолько близко, что можно было расслышать каждое их слово.

– Значит, договорились, – прокаркал на ломаном греческом один из мужчин. – Только давай ещё раз уточним план наших действий. Окончательно...

– Давай уточним, – согласился другой мужчина, греческий язык которого был безупречным. – Значит, так...

Пока незнакомцы уточняли свой план, туча успела уйти дальше, перестало грохотать и сверкать, утих ливень, заметно посветлело. Даже в пещере.

– Всё понял? – спросил тот из собеседников, что хорошо владел греческим. Его скрипучий голос показался Тимону знакомым. – Тогда до утра! Будем просить богов, чтобы послали нам удачу... Завтра она нам не помешает.

⁹⁹ Стела – мраморная или гранитная плита (столб) с высеченным на нём текстом.

¹⁰⁰ Некрополь – кладбище, «царство мёртвых».

Мужчины вышли наружу и, судя по стуку лошадиных копыт, тотчас ускакали. Похоже, в разные стороны.

– До чего же знакомый голос... Где я его слышал, этот скрипучий голос? – пробормотал сам себе Тимон. – Вспомнил! Я слышал его в порту. Это же Хармот, торговец лесом! Эге! Да тут серьёзные дела. Поход к Софону, братец Тимон, придётся отложить. Надо немедленно возвращаться назад. И как можно быстрее. Необходимо предупредить кого следует, что Ольвия в опасности...

* * *

– Что тебе надо? – писец архонта-басилевса окинул подозрительным взглядом забрызганного с ног до головы грязью и тяжело дышавшего Тимона. – И вообще, как ты сюда попал?

– Меня послал Фокрит Агротос. И я уже отвечал, что мне необходимо увидеть старшего архонта. У меня для него важное сообщение. Неужели ты не понимаешь этого?

– А может, тебе подать самого Зевса? – попробовал съязвить писец.

Но Тимон, как никогда, был настроен решительно.

– Ты не умничай! У меня сообщение чрезвычайной важности. Речь идёт о заговоре против города. Смотри, как бы тебе не пришлось отвечать перед городским советом, как общнику заговорщиков. Ты этого хочешь?

– Кто ты такой, чтобы пугать меня? – огрызнулся писец, но тон его голоса уже не был столь воинственным.

– Я раб купца Фокрита! И если я сейчас не увижу архонта-басилевса, в том, что случится, будешь виноват ты. И тогда я тебе не позавидую! Ты меня понял?

– Но... старший архонт сейчас на совещании городских коллегий, – стал сговорчивей писец.

– Вызови его! То, что я должен ему рассказать, важнее всех его совещаний.

Недовольно хмыкнув, писец вышел и вскоре вернулся, семена за архонтом.

– О какой-то опасности талдычит, – объяснял он на ходу архонту. – Вот он, во всей своей красе! – ткнул писец пальцем в Тимона и вышел из канцелярии.

– Вроде как знакомая личность... – архонт наморщил лоб, всматриваясь в необычного посетителя. – Не ты ли это испортил настроение нашему гимнасиарху на недавних Ахиллиях?

– Я самый, – не стал отпираться Тимон.

– Молодец! – похвалил мальчишку архонт и тут же удручённо мотнул головой. – Ну, и вид у тебя, должен я заметить! Откуда ты явился такой... замызганный?

– Я бежал пятнадцать стадиев. По грязи и лужам...

– Понятно. Значит, дело действительно неотложное. Тогда выкладывай! Что там стряслось?

– На Ольвию готовится нападение! Завтра утром! На рассвете! Когда все будут спать! – выпалил одним духом Тимон.

– Откуда тебе это известно? – нахмурился архонт. – Поподробнее можешь рассказать?

– В полдень дядюшка Фокрит отправил меня к Софону. Ну-у... это... на берегу Гипаниса... У него там усадьба...

– Я знаю, кто такой Софон, – помог Тимону архонт. – Продолжай.

– В дороге, стадиях в пятнадцати от Ольвии, меня настиг дождь. Пришлось укрыться в пещере. А там уже было двое мужчин. Один – наш, грек, ольвиополит, торговец лесом Хармот – я его по голосу узнал. Он часто бывает в порту. Другой – скиф, похоже, вождь какого-то племени. Мне такая тайная их встреча показалась подозрительной, и я незаметно подобрался к ним поближе. То, что я услышал... – Тут Тимон сделал большие глаза. – Эти люди сговорились завтра, как только начнёт светать, напасть на город и завладеть им. После этого скифы до

вечера будут грабить город. Нападать будут через Западные ворота, – они хуже охраняются. Скифы будут незаметно собираться ночью в Вороньем овраге, что слева от Западных ворот, и там ждать сигнал к нападению. Сигнал им должны подать наши... ну-у... ольвиополиты во главе с Хармотом. Они нападут на стражу изнутри и откроют ворота. Будет их, этих... местных нападающих, больше десятка человек. Чтобы скифы узнавали этих людей, у каждого из них на голове будет белая повязка. Вот... Вроде бы всё...

– Да-а... Если всё это правда... – задумался на мгновение архонт. Очнувшись, дружески потрепал по голове Тимона. – Молодчина! Спасибо большое! Пока спасибо. Ольвия перед тобой в большом долгу, и мы думаем, как тебя отблагодарить.

* * *

Под вечер к Фокриту заглянул его сосед Кладос, человек постоянно чем-то увлечённый, непоседливый, любопытный и не в меру говорливый. Всё он хотел знать, всё знал и считал, что все должны знать то, что знает он. Дом Кладоса стоял через дорогу напротив дома Фокрита.

Увидев хозяина лежащим на кровати, да ещё с перевязанной ногой, Кладос не на шутку забеспокоился:

– Сосед, что случилось? Когда? Где? Это не очень опасно?

– Ничего страшного. Нogu всего-навсего подвернул. Но лекарь сказал, что надо парочку дней полежать, – неохотно ответил Фокрит.

– И где же тебя угораздило так? – с неподдельным любопытством спросил сосед.

– Считай, на ровном месте! Шёл вчера вечером, не заметил на дороге ямки, ступил в неё и вот...

– А я-то думаю, чего это моего соседа нигде не видать! Хотя бы он тоже должен был быть вместе с нами. А он, оказывается, лежит себе дома и знать не знает, что сегодня утром скифы и всякие там проходимцы чуть было не завладели Ольвией! Представляешь?!

Глаза Кладоса излучали испуг, смешанный с восторгом.

– Как это – чуть не завладели? Что ты такое говоришь? – подыграл Кладосу Фокрит, который ещё вчера узнал от Тимона о его приключении, а сегодня в полдень, со слов того же Тимона – об утренних событиях, так всполошивших Ольвию.

– Так ты и вправду ничего не знаешь?

– Откуда же мне знать? – указав глазами на перевязанную ногу, продолжал играть роль простачка Фокрит.

– Тогда слушай! – Кладос поудобнее уселся в пододвинутом к нему Тимоном кресле-дронесе. – Значит, так... Прибегает ко мне вчера вечером один из членов коллегии стратегов¹⁰¹ и говорит: «Город в опасности! К полуночи ты должен с оружием, какое у тебя имеется, явиться в Теменос. Постарайся, как можно меньше привлекать к себе и к своему оружию внимания на улице». Сказал так и побежал к другим соседям-ополченцам¹⁰². Ну... ближе к полуночи... взял я свой меч, взял с десятков дротиков, спрятал всё это под хламиду и отправился в Теменос. А там уже полно народу! Ну... полно не полно, а больше двухсот человек собралось. Вызвали, как сам понимаешь, наиболее надёжных, испытанных... Явился сам архонт-басилевс. Тоже с мечом. Он-то и рассказал нам о причине сбора. Оказалось, что какое-то племя скифов с помощью нескольких предателей из числа ольвиополитов решило на рассвете, когда все спят сном праведников, захватить город. Предатели должны были перебить стражу ворот, открыть их и подать сигнал скифам, которые незаметно собирались ночью в Вороньем овраге. Но архонт-

---

¹⁰¹ Стратег – военный деятель, полководец.

¹⁰² В древнегреческих государствах регулярных армий не было. В случае необходимости воинами становились все здоровые мужчины в возрасте от 18 до 60 лет.

басилевс как-то пронюхал об этом их коварном сговоре и принял надлежащие меры. Ещё вечером он отправил вооружённый отряд к Западным воротам, чтобы усилить их охрану.

А мы перед рассветом незаметно вышли из города через Северные ворота, свернули налево и, крадучись под городской стеной, незаметно подошли к Вороньему оврагу и окружили его со всех сторон. А перед рассветом по команде архонта закидали скифов дротиками и стрелами из луков. Десятка три взяли в плен живыми. Теперь им предстоит путешествие в Элладу, и казна Ольвии получит неплохой барыш. Предателей-ольвиополитов тоже ждёт если не казнь, то рабство. Погиб и наш один от скифского меча. Несколько человек получили ранения. Вот такую провели мы сегодня боевую операцию. А ты ничего и не знал... Да-а! А затеял-то всю эту авантюру – кто бы ты думал? – Хармот! Да, да! Тот самый Хармот, что занимался торговлей лесом и который так рвался в архонты. И когда народ отказал ему, он решил пробиться к власти с помощью скифов. Теперь, будем надеяться, что он сам вместе со скифами станет рабом.

* * *

– Что скажешь, добрый человек? – спросил Фокрит, встав навстречу незнакомцу.

– Я новый посыльный коллегии архонтов, – представился тот. – Пришёл сказать тебе, высокочтимый Фокрит, что архонт-басилевс приглашает тебя к себе для важного разговора. Желательно сейчас. Если ты, конечно, можешь уже ходить. Если не можешь...

– Хорошо! Раз надо, значит, надо. Сейчас же и идём. Ну, чего ты... – увидев, что жена забеспокоилась, Фокрит нежно провёл ладонью по её щеке. – Надо человеку поговорить со мной – значит, надо. Что тут такого? Всегда ты...

– Рад видеть и приветствовать тебя, дорогой Фокрит Агротос! – поднялся навстречу гостю старший архонт.

– Моё почтение! Чем обязан такой чести, уважаемый архонт?

– У меня к тебе, Фокрит, деликатное дело... Мы тут долго думали, как по достоинству отблагодарить раба твоего Тимона за оказанную им Ольвии неоценимую услугу, и решили, что городской совет должен выкупить у тебя этого мальчишку и дать ему волю. Как ты смотришь на это? И сколько ты хочешь за него?

– Сколько я хочу? – задумался на какое-то мгновение Фокрит и, усмехнувшись, неожиданно выпалил: – Представь себе, что я ничего за него не хочу!

– Но-о... – растерялся архонт.

– Дело в том, дорогой Гиппарх, что я давно уже вынашиваю мысль о том, чтобы дать ему волю. Скажу тебе больше: я решил усыновить его. Вернее, мы с женой так решили. У нас ведь нет своих детей...

– Ты это серьёзно? – не сразу поверил услышанному архонт-басилевс. – Не шутишь?

– Гиппарх, какие могут быть шутки? Конечно, серьёзно!

Архонт озадаченно поскрёб бороду.

– Признаться, не ожидал... Ну, что ж... Должен сказать, что твою голову посетила замечательная мысль. Такой парень, как Тимон, достоин лучшей судьбы. Это хорошо! Скажу больше – это просто замечательно! Когда ты собираешься огласить своё решение?

– А хоть завтра!

– Завтра – нет. Мы обязаны по такому случаю собрать народ. Сделаем это в последний день этой декады. То есть через четыре дня. Договорились?

* * *

После полудня, ближе к вечеру Агора была полна народа. Здесь собралось почти всё мужское население Ольвии. Отсутствовали только больные и очень уж дряхлые, немощные старики. Люди сошлись на созванное городским советом народное собрание, или, как было принято называть его в Ольвии, Народ. Площадь бурлила и гудела. Пять тысяч мужчин одновременно разговаривали, спорили, ругались, доказывали, перечили, возмущались, кричали. Но вот на ступени стои взошли члены городского совета и коллегии архонтов во главе с самим архонтом-басилевсом Гиппархом Филотидосом, и шум на площади стал постепенно утихать. А когда старший архонт вышел вперёд и поднял руку, шум и вовсе прекратился.

– Граждане Ольвии! – голос архонта, зычный и звонкий, был хорошо слышен на площади. – Думаю, все вы уже знаете, какой смертельной опасности удалось недавно избежать нашему городу. Небезызвестный вам торговец лесом Хармот, собрав кучку предателей и позвав на помощь банду скифов, намеревался захватить власть в городе, уничтожить демократию и насадить тиранию¹⁰³. Но и это не всё. Скифам за оказанную ими помощь он обещал отдать Ольвию на день для разграбления. Вы представляете, что нас ожидало?

Площадь зашумела, заволновалась. Выждав какое-то время, Гиппарх продолжал:

– Только благодаря счастливой случайности нам удалось обезвредить этот заговор. Во время его ликвидации часть скифов была перебита, часть взята в плен. Оставшиеся в живых скифы будут проданы в рабство и скоро отправятся в Милет или Афины. Так решил городской совет. С этим всё ясно. А вот что делать с местными заговорщиками, поскольку все они граждане Ольвии, решать вам, Народу. Что вы на это скажете?

– А что тут говорить – смерть предателям! Утопить их в Гипанисе – и дело с концом! А не проще ли повесить? Конфисковать имущество и казнить! – закричали в толпе.

Архонт-басилевс снова поднял руку, прося слова.

– Людей, которые посягнули на свободу нашего города и нашу демократию, безусловно, следовало бы казнить. Но я вас спрашиваю: какая от этого будет польза городу? И отвечаю: совершенно никакой! А вот если продать этих отщепенцев в рабство, мы получим неплохие деньги, которые можно будет использовать на нужды города. Скажем, на проведение водопровода или канализации. Хоть какая-то будет польза! Словом, городской совет и коллегия архонтов предлагают: всех десятерых предателей, кроме Хармота, продать, как и скифов, в рабство, а вырученные за них деньги положить в казну города. А вот Хармота как зачинщика этой авантюры необходимо казнить. Дабы другим не было повадно посягать на нашу свободу. Кто за такое предложение, поднимите руки!

Кверху поднялось сразу несколько десятков рук, затем – несколько сотен, и, наконец, – почти все.

– Можно считать: единогласно! – подытожил результат голосования архонт-басилевс. – Спасибо за поддержку предложения городского совета! Есть ещё один важный вопрос.

Гиппарх кивнул головой стоявшему неподалёку Фокриту, тот отошёл куда-то в сторонку и вскоре вернулся, подталкивая перед собой Тимона. Архонт спустился по ступенькам, взял мальчишку за руку и, вернувшись с ним на возвышение, поставил его рядом с собой.

– С каких это пор в народном собрании начали принимать участие дети? К тому же рабы! – послышался из толпы голос Эвклеса, отца гимнасийного чемпиона по бегу. Работоговца поддержали ещё несколько человек. Но их разрозненные голоса потонули в одобрительном гуле большинства участников высокого собрания, которые, судя по всему, также присутствовали недавно на стадиуме во время Ахиллий в качестве зрителей. Послышались выкрики:

---

¹⁰³ Тирания – единовластие.

– Так это же тот самый раб, который бегаёт быстрее всех в Ольвии! Молодчина, Авр! Здорово ты кое-кому нос утёр! Продолжай и дальше так, Авр!

Чтобы призвать Агору к тишине, архонту-басилевсу снова пришлось поднять руку.

– Граждане Ольвии! Перед вами Тимон, раб купца Фокрита, сына Агрота. Сейчас глашатай зачитает обращение Фокрита Агротоса к народному собранию Ольвии относительно этого мальчишки. Прошу внимания!

Вперёд вышел небольшого роста человек, горбатый, носатый, бородатый, похожий на чёрного жука, и неожиданно мощным голосом, который разнёсся далеко за пределы Агоры, начал читать:

«К сведению граждан Ольвии! Я, Фокрит, сын Агрота, публично объявляю, что с сегодняшнего дня без какого-либо выкупа отпускаю на волю своего шестнадцатилетнего раба Тимона. А ещё ставлю в известность Народ Ольвии о том, что я, Фокрит, сын Агрота, усыновляю моего бывшего раба Тимона. Отныне он будет называться Тимоном, сыном Фокрита, и являться полноправным членом моей семьи с правом наследования и всеми прочими правами. Свидетелем этого моего решения прошу быть собравшийся здесь Народ Ольвии. К сему: Фокрит, сын Агрота. Десятый день второй декады месяца боэдромиона¹⁰⁴ в год архонства Гиппарха Филотидоса. Город Ольвия».

Тимон с трудом верил в происходящее, не знал, что надо говорить и делать в таких случаях, он лишь краснел и растерянно хлопал глазами. Да что там Тимон, если сам Народ не знал, как отнестись к такому необычному для них событию – одобрительно или отрицательно. Такого случая в Ольвии на их памяти ещё не было. Перевесило лучшее, что было в людях, и Агора загудела похвально.

Архонт тем временем взял у глашатая папирус с обращением Фокрита и передал его председателю городского совета на хранение. Затем снова поднял руку и вышел вперёд, придерживая за плечо Тимона.

– Теперь о главном. Сейчас нам предстоит решить ещё один вопрос, не менее, если не более важный, чем предыдущий. Говоря только что о счастливой случайности, которая помогла обезвредить заговор врагов города, я был не совсем точен. Спасла Ольвию не счастливая случайность, а спас нас вот этот мальчуган, которого отныне следует называть Тимоном Фокритосом! Это он, Тимон Фокритос, случайно оказался свидетелем сговора Хармота с главарём скифов. И это он, Тимон Фокритос, проявив преданность городу и настоящий патриотизм, рискуя жизнью, поспешил сообщить нам о готовящемся нападении на Ольвию. Если бы не он, неизвестно, чем бы окончилась эта авантюра Хармота. Скорее всего, она окончилась бы плачевно для всех нас. Но благодаря этому мальчишке Ольвия осталась свободным городом, а мы с вами и наши семьи – живыми и невредимыми. Принимая всё это во внимание, а также то, что Тимон больше не раб, а свободный ольвиополит, городской совет решил предоставить Тимоноу Фокритосу права ольвийского гражданства, а коллегия архонтов поддержала это решение. Послушайте на сей счёт постановление городского совета.

Снова вышел вперёд глашатай и своим могучим голосом протрубил:

«За оказанную Тимоном, сыном Фокрита, неоценимую услугу Ольвии и её гражданам в деле разоблачения антигосударственного заговора Хармота городской совет Ольвии постановляет: упомянутому Тимоноу, сыну Фокрита, предоставить гражданство города Ольвии со всеми присущими ольвийскому гражданину правами и обязанностями. Права ольвийского гражданства он получает также для своих потомков. Настоящее постановление городского совета Ольвии никем не может быть отменено или изменено. Текст постановления будет выбит на каменной плите, а плита установлена в Теменосе. Десятый день второй декады месяца боэдромиона в год архонства Гиппарха Филотидоса. Город Ольвия».

¹⁰⁴ Боэдромион – по милетскому календарю месяц года, соответствовавший современному сентябрю-октябрю.

Когда глашатай кончил читать, архонт-басилевс предложил собранию:

– Кто поддерживает такое постановление, пусть поднимет руку! – и сам же первым поднял свою.

Тотчас вверх взметнулись руки всех, кто находился на Агоре. Один Эвклес, сделав вид, что ему крайне необходимо поправить расстегнувшуюся на плече фибулу¹⁰⁵ хитона, не поднял руки.

– Спасибо за единодушную поддержку постановления городского совета! – произнёс архонт. – Кроме того, что зачитанный текст постановления будет выбит на каменной плите, а плита установлена в Теменосе, настоящее постановление в письменном виде выдаётся как документ, подтверждающий настоящее постановление совета, Тимону Фокритосу на руки. Получи Тимон! Береги этот документ и гордись тем, что ты гражданин свободной Ольвии, – сказал архонт-басилевс, протягивая папирус Тимону. Затем повернулся к Агоре. – На этом повестка дня народного собрания исчерпана! Городской совет и лично я благодарим всех вас за участие в нём!

Домой Фокрит и Тимон возвращались в приподнятом настроении. Особенно не мог нарадоваться такому неожиданному повороту в своей жизни Тимон. Теперь у него была настоящая семья. И, что главное, перед ним открывалась дорога в Олимпию!

Дома их с нетерпением поджидала Мелисса. Едва увидев её, Тимон с порога закричал:

– Тёту... – но тут же осёкся и поспешил исправиться: – Матушка Мелисса! Мама, поздравь меня! Я – гражданин Ольвии!

* * *

Прошло пять месяцев. Всё это время Тимон по-прежнему помогал своему отцу Фокриту в торговле и усиленно тренировался под руководством Феокла. Зимой – тоже. По настоянию старшего архонта гимнасиарх Сириск скрепя сердце разрешил Тимону и Феоклу заниматься в зале гимнасия, благодаря чему тренировки проводились теперь регулярно, независимо от времени года и состояния погоды. Занимался Тимон много и усердно, старательно выполняя все наставления своего педотриба.

А ещё Тимон нетерпеливо, с тайной надеждой, ждал прибытия в город спондофора. Он не переставал надеяться, что ему всё-таки удастся попасть на Олимпийские игры, хотя и не совсем отчётливо представлял, как это может произойти в действительности. Ведь для этого нужны деньги...

Утром третьего дня первой декады месяца артемисиона к причалу Ольвийского порта пришвартовалось торговое судно из Эллады. Судно доставило партию художественной мебели из Афин для ольвиополитов, керамическую посуду из Митилены¹⁰⁶ для перепродажи скифам и, кроме того, спондофора – священного посланца из Олимпии.

Это был пожилой сухощавый жилистый мужчина с голым черепом, мохнатыми белыми бровями, такой же белой острой бородой и большим тонким носом. Глядя на него со стороны, можно было подумать, что это немощный старец, который только и знает, что без конца жаловаться на своё здоровье. На самом деле спондофор оказался на удивление подвижным и бодрым старичком. Он проворно, без чьей-либо помощи, сошёл на берег, расспросил встретившихся ему людей, где найти городскую управу и, закинув за плечи свою котомку, резво зашагал, опираясь на высокий посох, в город.

А ближе к вечеру, когда ольвийская Агора бывает особенно многолюдной, заморский гость, сопровождаемый высоким городским начальством, торжественно взошёл на ступени

---

¹⁰⁵ Фибула – металлическая застёжка для хитона.

¹⁰⁶ Митилена – главный город острова Лесбос.

Стои. На сей раз он предстал перед ольвиополитами во всём величии «священного посланника» Зевса Громовержца: облачённым в длинный, до пят, белый хитон, с оливковым венком на голове, с длинным посохом в одной руке и пальмовой ветвью в другой. Городской трубач проиграл сигнал сбора, люди на Агоре зашумели, зашевелились, и в скором времени перед Стоей гудела огромная толпа народа.

Выйдя вперёд, спондофор поднял правую руку с пальмовой ветвью и хорошо поставленным голосом отчётливо произнёс:

– Граждане свободной Ольвии! Я прибыл в ваш город из далёкой Элиды по поручению Олимпийского совета. Мне поручено сообщить вам, что в этом году состоятся очередные, восемьдесят шестые, Олимпийские игры. Начнутся Игры в первый день второй декады месяца парфения по элидскому календарю, гекатомбеона по аттическому, панемоса по вашему, милетскому, календарю. Программа состязаний будет такой: дромос¹⁰⁷, диаулос¹⁰⁸, долихос¹⁰⁹, кулачный бой, борьба, панкратион¹¹⁰, пентатлон¹¹¹, состоящий из дромоса, прыжков в длину, метания диска, метания копья и борьбы. Восьмым видом Игр будут гонки на колесницах-квадригах¹¹².

На Игры приглашаются все мужчины и юноши – жители Ольвии как атлеты, для участия в состязаниях, так и мужчины и юноши как зрители. Атлеты, которые намерены принять участие в Играх, должны прибыть в город Элиду самое малое за тридцать два дня до начала Олимпиады. Этот месяц они будут проходить необходимую подготовку под руководством опытных педотрибов в местных гимназиях и палестрах¹¹³. Каждый день пребывания атлета и его педотриба в Элиде будет обходиться им в два обола¹¹⁴. И запомните: с дисциплиной у нас строго – опоздавшие на тренировки в Элиду к Играм допущены не будут.

Спрашиваете, кто может стать участником Игр? К участию в Играх приглашаются все свободные элины, граждане своих полисов, не запятнавшие себя кровью невинно убитого человека и ничем не провинившиеся перед богами и своими согражданами. И, конечно же, эти элины должны быть превосходными, даже выдающимися атлетами. Иначе на Олимпийском стадиуме им делать будет нечего.

Кроме того, мне поручено именем всемогущего Зевса Громовержца провозгласить на время проведения Игр экихейрию – священное перемирие во всех элинских полисах. Продолжительность экихейрии – сто дней: два месяца до начала Игр и месяц после их окончания. Экихейрия начнётся в двенадцатый день месяца фаргелиона по аттическому календарю. Все граждане, направляющиеся в эти дни в Олимпию или возвращающиеся из Олимпии, считаются гостями Зевса Громовержца. Поэтому проклятие и штраф ожидает каждого, кто посягнёт на путника, идущего на Игры или возвращающегося с Игр. В дни экихейрии во всём элинском мире должен царить мир. Ни один полис ни под каким предлогом не имеет права пойти с оружием против другого полиса. Полис, нарушивший перемирие, ожидает штраф в две мины¹¹⁵ за каждого воина, принимавшего участие в нападении!

Последние слова спондофора вызвали гул одобрения на Агоре. Ольвиополиты были народом мирным, на собственном опыте хорошо знавшим, что от войны ничего хорошего ожидать не приходится.

¹⁰⁷ Дромос – бег на один стадий.

¹⁰⁸ Диаулос – бег на два стадия, или «двойной» бег.

¹⁰⁹ Долихос – бег на длинную (12–24 стадия) дистанцию.

¹¹⁰ Панкратий – вид спорта, соединяющий борьбу и кулачный бой.

¹¹¹ Пентатлон – атлетическое пятиборье (бег, прыжки в длину, метание диска, борьба, метание копья).

¹¹² Квадрига – колесница, запряжённая четвёркой лошадей.

¹¹³ Палестра – площадка для занятий гимнастикой и борьбой.

¹¹⁴ Обол – мелкая денежная единица.

¹¹⁵ Мина – монета, весившая 436 г.

Заметив неподалёку в толпе горящие глаза Тимона, Гиппарх Филотидос взмахом руки подозвал его к себе.

– Ну, как? В Олимпию собираешься? – кивнув в сторону спондофора, загадочно усмехнулся архонт-басилевс.

– Я бы рад... Да только... – неопределённо пожал плечами Тимон.

Увидев подходившего к ним Фокрита, архонт обратился к нему с тем же вопросом:

– А ты, отец, как думаешь: пошлём мы Тимона на Олимпийские игры?..

– Придётся посылать, – положив руку на плечо сына, ответил Фокрит. – Он только и мечтает об этом. Во сне даже видит себя олимпиоником.

– А не побоишься так далеко ехать один? – спросил архонт Тимона.

– Ездят же люди... Были бы деньги.

– Резонный ответ! И дипломатичный, с намёком, – усмехнулся архонт. – Значит, готовься. За деньгами, думаю, дело не станет. Считаю, что город не обеднеет, если выделит тебе денег на поездку в Олимпию. Мы не такой уж бедный полис, чтобы на всём экономить. Тем более что мы перед тобой в неоплатном долгу. Один ты, конечно, не поедешь. Поедешь со своим педотрибом... как его? Феоклом! Но прежде нам придётся провести городские состязания. Так сказать, отборочные. Чтобы не было потом ненужных разговоров. Вы же знаете этого Эвклеса и ему подобных... Я попрошу гимнасиарха, чтобы он устроил такие состязания в начале следующего месяца. Победишь ты – город пошлёт тебя. Победит Матрий – город пошлёт Матрия. Словом, готовься! Лично я надеюсь на тебя!

* * *

Никогда ещё стадиум Ольвии не собирал столько зрителей. На его склонах не было где яблоку упасть. В первом, сидячем, ряду, где обычно восседало высокое городское начальство, также не было свободных мест. И это, несмотря на то, что кое-кто из этого начальства не счёл за срам принять участие в состязаниях и потому находился на атлетических площадках.

Такой повышенный интерес к этим состязаниям объяснялся несколькими причинами. Начать с того, что ольвиополиты, как и все эллины, любили атлетику и атлетические состязания. Для них это было самым желанным зрелищем и развлечением. Большим даже, чем театр. В особенности для мужского населения. А ещё Ольвия впервые намеревалась на средства города послать своего атлета на Олимпийские игры. И целью этих отборочных состязаний было выявить наиболее достойного для поездки в Олимпию. Поэтому неудивительно, что всем хотелось своими глазами увидеть, кто сможет добиться права представлять Ольвию на этих всеэллинских атлетических состязаниях, которыми по праву гордились все до единого эллины мира.

К тому же на сей раз, чтобы придать состязаниям большую значимость, они проводились среди эфебов и взрослых. По отдельности, разумеется. Можно сказать, что это была олимпиада местного, городского масштаба. Руководил состязаниями, как обычно, гимнасиарх – с виду, как всегда, строгий и величественный, будто сам верховный бог Зевс. В качестве судей ему помогали два гимнасийных педотриба.

По давней традиции состязания открыли представители самого захватывающего и популярного в Ольвии вида атлетики – кулачного боя. Но и на сей раз юные кулачники ничего примечательного, кроме разбитых носов, не показали. Зато взрослые бойцы ещё до начала боя вызвали среди зрителей заметное оживление. Прежде всего тем, что среди взрослых, пожелавших проверить мощь своих кулаков, нашлось всего лишь два человека: кузнец Эвдам, крепыш лет под пятьдесят с довольно внушительными волосатыми кулаками, и член коллегии архонтов Перот, молодой человек тридцати лет, не отличавшийся особым телосложением, зато сухопарый, проворный и выносливый. Несмотря на разницу в возрасте и комплекции, противники

оказались достойными друг друга. Их поединок, отличавшийся упорством и остротой, стоил Эвдаму выбитого зуба, а Пероту – рассечённой брови и окровавленного носа. Верх в конце концов взяла молодость, и победа была заслуженно присуждена молодому архонту, трижды сбившему кузнеца с ног. На это архонт-басилевс не без тени иронии заметил:

– Теперь в общении с коллегой Перотом всем волей-неволей придётся быть повежливее.

Сам архонт-басилевс также не был чужд спортивному азарту, приняв участие в состязаниях метателей диска весом в десять мин¹¹⁶. Правда, достижение Гиппарха выдающимся назвать было нельзя: его диск улетел всего лишь на восемнадцать оргий, что явилось четвёртым результатом среди семи участников. Но первый архонт нисколько не огорчился. Когда кто-то поинтересовался у него, почему он так слабо выступил, Гиппарх, нисколько не смутившись, бодро ответил:

– Важен не результат, а участие! А ещё больше важен пример, который я, архонт, подаю юношам.

В отличие от своего отца Эвдама его сын Леокс отличился в стрельбе из лука. Выпущенная им стрела пролетела без малого два стадия. Ещё более впечатляющим был выстрел взрослого лучника, городского судьи Посидея: его стрела пролетела два с половиной стадия. К сожалению, стрельба из лука не входила в программу Олимпийских игр, и поэтому и Леоксу, и Посидею оставалось довольствоваться славой чемпионов Ольвии.

---

¹¹⁶ Мина – мера веса, равная 341 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.